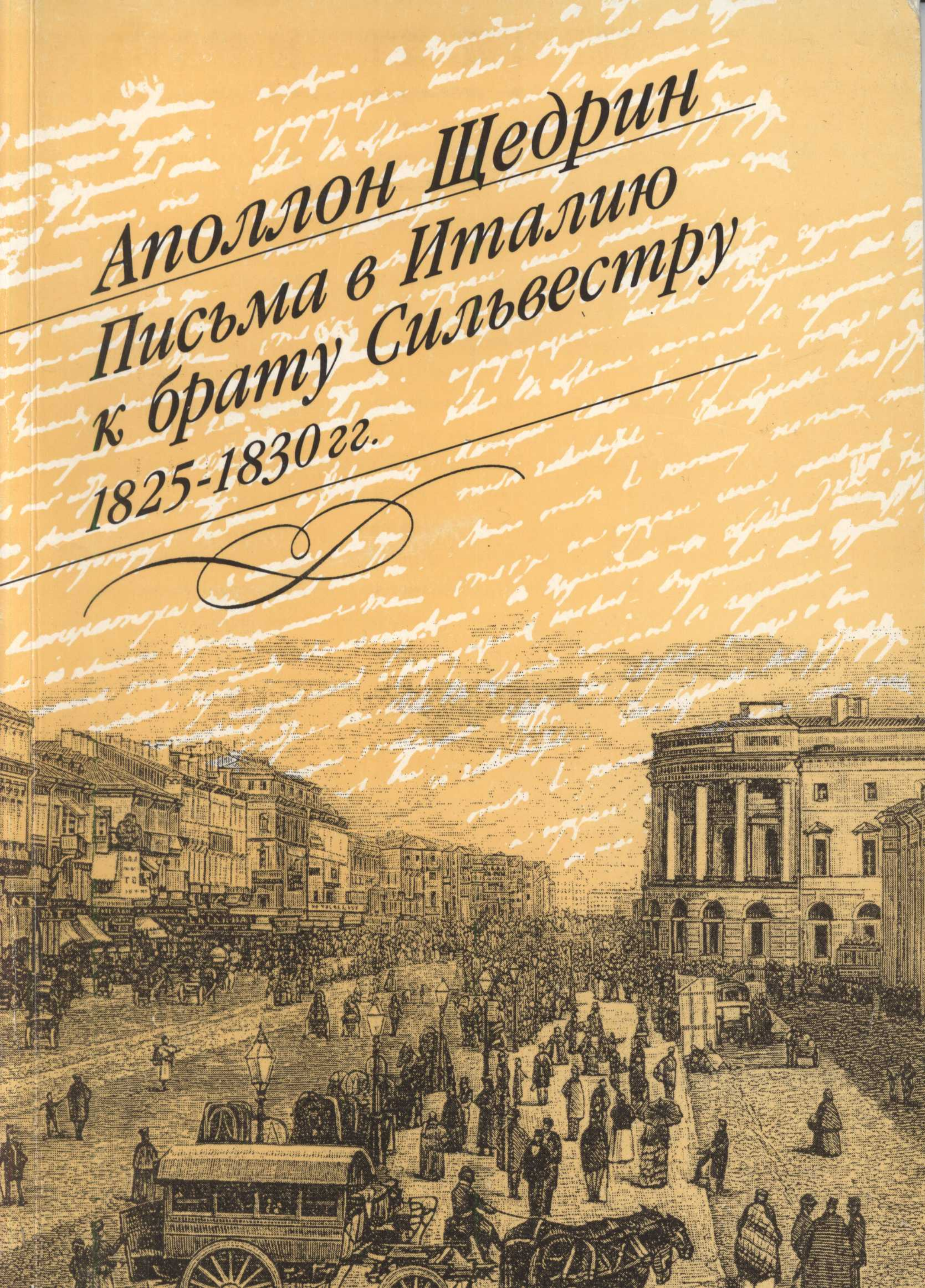
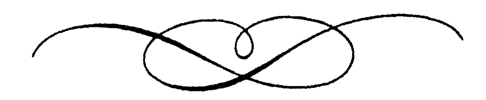

Аполлон Щедрин
Письма в Италию
к брату Сильвестру
1825-1830 гг.

Аполлон Щедрин
Письма в Италию к брату Сильвестру 1825-1830 гг.

Составитель, автор редакции текстов, вступительной статьи и комментария
М.Ю. Евсевьев

ИЗДАТЕЛЬСТВО «БЕЛЬВЕДЕР»
Санкт-Петербург
1999

ББК 85.1-8 Щедрин А.Ф.
А76

Составитель, автор редакции текстов, вступительной статьи и комментария М.Ю. Евсевьев

Рецензент
докт. педаг. наук О.С. Острой (Рос. нац. б-ка)

Аполлон Щедрин: Письма в Италию к брату Сильвестру:
А76 **1825—1830** / Сост., авт. редакции текстов, вступ. статьи и коммент. М.Ю. Евсевьев. СПб.: «Бельведер», 1999. — 76 с.
ISBN 5-9259-0003-0

Издание представляет собой первую публикацию писем петербургского архитектора, теоретика практической архитектуры Аполлона Феодосиевича Щедрина (1796–1847) к брату — блистательному пейзажисту 20-х годов XIX века Сильвестру Щедрину, жившему в 1825–1830-м годах в Италии, главным образом в Неаполе и его окрестностях.

Публикация подготовлена доцентом кафедры истории искусства Санкт-Петербургского государственного университета М.Ю. Евсевьевым. Может представлять интерес для историков, искусствоведов, всех интересующихся источниками по истории «золотого века» русской культуры.

ББК 85.1-8 Щедрин А.Ф.

ISBN 5-9259-0003-0

ОБ АПОЛЛОНЕ ЩЕДРИНЕ И ЕГО ПИСЬМАХ В ИТАЛИЮ

Аполлон Феодосиевич Щедрин (1796—1847) — младший представитель богатого знаменитостями семейства Щедриных, не очень известный петербургский архитектор 1820—1840-х годов, начало активного периода жизни которого совпало с воцарением Николая I. Его имя в истории русской художественной культуры несопоставимо, конечно, с именами и его отца — выдающегося скульптора Феодоса Щедрина (1751—1825), и дяди Семена Щедрина (1745—1804), пейзажиста эпохи раннего русского классицизма, руководителя ландшафтного класса Императорской Академии художеств в 1776—1804 годах. Еще более несравнимо оно с именем старшего брата Сильвестра (1791—1830), блестящего реформатора архаичного классицизирующего пейзажа. Все так. История предпочитает концептуальные фигуры и пренебрегает деятельностью, которая не оставляет внятных следов, таких, как построенные здания, сохранившиеся проекты или легенды о них, статуи, картины. Всего этого почти нет в наследии Аполлона Щедрина, и, тем не менее, это не значит, что в связи с его именем нечего вспомнить. Хотя в данном случае он выступает не как архитектор, а как автор писем, однако письма эти написаны архитектором.

Аполлон построил в Петербурге, в частности, центральный корпус комплекса зданий Российской национальной библиотеки. Конечно, все знают, что это творение К.И. Росси. Оно построено по его генеральному проекту. Но автором рабочего проекта здания, его архитектором-строителем был А.Ф. Щедрин.

Он стал воспитанником Императорской Академии художеств в октябре 1809 года вне конкурса как сын профессора академии[1]. Тогда же, в числе других, были приняты и стали его соучениками «Карл Павлов Брыло» (тоже «без баллотирования») и Федор (Фридрих) Иордан, будущий знаменитый гравер и ректор академии, связанный с нею творчеством и преподаванием до 80-х годов XIX века. В годы учебы Аполлон отличался за успехи в науках и хорошее по-

ведение (1811)[2], удостаивался серебряных медалей за рисунок с натуры (1813)[3], за архитектурные композиции (1816, 1817)[4]. В декабре 1818 года он закончил академию с малой золотой медалью за проект «ярмонки с принадлежащими к оной строениями»[5]; выпущен «со шпагой и аттестатом первой степени»[6].

Осенью 1822 года «губернский секретарь, состоящий в звании архитекторского помощника при доме Императорской Академии художеств, художник архитектуры» Аполлон Щедрин был избран Советом Академии в «назначенные»[7], т.е. преодолел ступень, необходимую для избрания в «академики». Стать академиком в 20-е годы XIX века значило удостоиться исходного устойчивого корпоративного звания (в XVIII веке оно делало возможным непосредственное вхождение в Академию, почетное или должностное).

В августе 1823 г. Совет Академии предложил Аполлону Щедрину в качестве программы на звание академика «сочинить проект военного училища для 1500 человек со всеми к оному принадлежностями и квартирами для чиновников»[8]. Проект этот, как можно судить, так никогда и не осуществился. Однако едва ли потому, что Щедрин не сумел справиться с академическим заданием, на что намекал когда-то, в частности, А.М. Эфрос[9]. Все направление деятельности Аполлона Щедрина просто оказалось иным. Он стал архитектором-практиком, строителем, теоретиком и преподавателем «строительного искусства». «С будущего нового года учреждается класс для преподавания архитекторам в Академии строительного искусства и преподавать оное будет твой покорнейший слуга, — пишет Аполлон брату Сильвестру в декабре 1827 года, — и так я попадаю в свою сферу, достигаю того, чего желал всегда» (письмо VIII).

Его преподавание в Академии началось в 1828 году и продолжалось до конца жизни. Оно было весьма хорошим. Об этом, в частности, свидетельствуют благодарности, которые А.Ф. Щедрин получал от академического Совета за успехи учеников в строительном искусстве[10], и сентябрьское 1833 года решение Совета о признании Щедрина профессором теории строительного искусства, поскольку он преподает ее академистам «с отличным успехом и пользою»[11]. А ведь звание профессора Академии можно было получить, как правило, лишь став академиком. В случае со Щедриным даже консервативный академический Совет согласился, что он давно достиг и превзошел уровень требований, предъявляемых к этому званию. То что в 1837 году он был все же признан академиком по совокупности ра-

бот[12] — скорее квалификационный ритуал, нежели подтверждение квалификации.

Связь с Академией художеств на протяжении всей сознательной жизни, воспринятая от предков, устойчивая, прочная, сформировала особенности характера и дарования Аполлона Щедрина. Он, как уже ясно, не отличался талантом оригинального архитектора, но обладал профессиональной культурой, был исполнительным, дисциплинированным работником, со связями в столичном обществе, унаследованными от родни и приобретенными благодаря посредничеству между братом Сильвестром и многочисленными заказчиками его картин в России. Император имел случаи убедиться в профессиональном соответствии и аккуратности Аполлона и поручал ему серьезную практическую работу на архитектурных объектах центра столицы (письма IX, XI).

Главное место в скромном творческом наследии А.Ф. Щедрина занимает, скорее всего, реконструкция известного здания «Двенадцати коллегий» для Императорского Санкт-Петербургского университета, осуществленная архитектором по его собственному проекту в середине 1830-х годов. Щедрин перестроил, в частности, многие интерьеры здания. Ему принадлежит идея знаменитого университетского коридора длиной почти 400 метров. Благодаря проекту Щедрина появилось остекление аркады главного фасада; вдоль него был разбит сад с чугунной решеткой; была сооружена парадная лестница, белоколонный актовый зал университета. Щедрин спроектировал и нынешний облик так называемого «ректорского флигеля» университета. Архитектурные элементы, использованные им в оформлении фасадов флигеля, его окраска и сам объем столь деликатно корреспондируют с архитектурой «Двенадцати коллегий», что не только обыденное сознание воспринимает здания как части целого. Удачная стилизация? Пожалуй.

Конечно, А.Ф. Щедрин знал, умел, проектировал, строил, перестраивал гораздо больше, нежели упомянуто здесь, однако названного, полагаем, достаточно, чтобы представить его профессиональное лицо, учитывая назначение данного предисловия.

Брат Аполлона Сильвестр Феодосиевич Щедрин — известный русский пейзажист — к 1825 году, которым датируется первое публикуемое письмо А.Ф. Щедрина к нему, находился в Италии уже семь лет. Сначала это были три уставные года пенсионерства, затем еще два года, на которые Академия художеств продлила срок пен-

сионерской поездки. Но и они закончились. Блестящий пейзажист, влюбленный в Италию, плохо представлявший, что с его талантом можно делать в России, к тому же обремененный многочисленными заказами, не торопился домой.

Единственным способом общения с Россией, с Петербургом для него была переписка. С 1825 года, после смерти отца, Аполлон становится главным адресатом Сильвестра в России. А с середины 1828 года, когда друг и неизменный корреспондент Сильвестра Щедрина Самойла Иванович Гальберг, проживший 10 лет в Риме (1818—1828), был вынужден уехать в Россию для участия в конкурсе проектов памятников М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю де Толли для площади Казанского собора в Петербурге, а в Петербурге оказался занятым на долгое время своими матримониальными делами и в переписке друзей возникла длительная пауза, Аполлон остался единственным постоянным и близким корреспондентом Сильвестра. Вся информация о многочисленных членах семейства Щедриных, родственниках, заказчиках и заказах, денежных делах, друзьях и недругах, об Академии художеств, о выставках, мнениях, слухах, проектах и т.п. поступала к С.Ф. Щедрину, главным образом, от младшего брата. Сильвестр как бы инициировал информационный репертуар писем, Аполлон «собирал» (как он пишет) сведения в соответствии с запросами брата. Даже если бы ценность его писем заключалась только в этом, они представляли бы немалый интерес.

Случилось же другое. Умер Александр I, выступили декабристы. Аполлон увидел «сумраки и казни» начала нового царствования, оказался по роду деятельности довольно близко к императору (был замечен), вписался в петербургское общество, отчасти как удачливый архитектор-строитель, отчасти, повторимся, благодаря посредничеству между Сильвестром Щедриным и многочисленными желающими заполучить его пленительные «виды Италии». Так все сошлось: дохнула история, Аполлон вошел в активную фазу деятельности, наступила пора расцвета творчества Сильвестра Щедрина. Младшему брату было что написать, содержание его писем стало шире практических потребностей итальянского адресата. Спровоцированные последним, послания составили своеобразный исторический источник, анализируя который можно многое узнать о столичной жизни начала николаевской эпохи. Для нас важно, что автором писем в данном случае является не литератор. Это очевидно. Какие-либо литературные шумы, имена (А.С. Пушкин!) отсутствуют совершенно. Такая особенность текстов бросается в глаза, и, кроме ин-

тереса к тому, что в них есть, они обращают на себя внимание тем, чего в них нет.

Автор также и не художник, находящийся в «чужих краях», которому сам Бог велел поделиться впечатлениями об увиденном. Письма Сильвестра Щедрина, Самуила Гальберга, Ореста Кипренского позволяют неплохо представить облик колонии русских художников в Италии 1820-х годов. Но мы бедны источниками по истории художественной жизни или хотя бы жизни с художественным, так сказать, акцентом Петербурга этих лет, тем более созданными носителями корпоративного художественного сознания. Письма А.Ф. Щедрина восполняют, в какой-то мере, означенный пробел, рассказывая о фактах художественной жизни русской столицы 1825—1830 годов. Факты эти естественным ингредиентом входят в круг тем, которых постоянно касается Аполлон Щедрин: Академия художеств и художники — служба, домашние дела и дела брата — жизнь Петербурга — император и общество — политические элементарности (что на слуху: взяли Еривань и Тавриз, победили в Наваринском сражении (письмо VII) и т.п.).

За пять лет Аполлон сообщил брату о первой выставке Общества поощрения художников, открытой в начале 1826 года (письмо II), сопроводив сообщение своим комментарием. Более развернуто описал осеннюю 1827 года академическую выставку (письмо VII). И самым подробным образом рассказал об академической осенней выставке 1830 года (письмо XV). Всего три выставки? Но три выставки за 1826—1830 годы это и было все, что было.

В посланиях А.Ф. Щедрина фигурируют все значительные русские мастера, работавшие в 1820-е годы: Венецианов, Витберг, Максим Воробьев, Василий Демут-Малиновский, Алексей Егоров, М.М. Иванов, Орест Кипренский, Иван Мартос, Монферран, Иван Прокофьев, Федор Толстой, Феодос и Семен Щедрины, С.С. Щукин и другие. Для А.Ф. Щедрина они не представители академического ареопага, а обитатели среды, в которой он родился и вырос. Их поступки, проявления, черты, засвидетельствованные и интерпретированные младшим современником, не могут утратить интереса.

Другой ряд составляют имена художников — бывших соучеников, ровесников, товарищей, художественной молодежи, так сказать. Карл Брюллов (еще не великий!), Басин, Бруни, Тимофей Васильев, Самуил Гальберг, Василий Глинка, М.Г. Крылов, Борис Орловский, Василий Сазонов, П.В. Свинцов и другие. К ним иное отношение: интересно, кто что успел, кому сопутствует удача, кто женился или

намеревается это сделать и т.п. Такие детали тоже ценны, ведь многие из этих художников, менее известных или почти забытых, не были избалованы вниманием современников, и живые подробности их жизней почти не сохранились. Сведения о картинах Сильвестра Щедрина, тем или иным способом привезенных в Россию, мнения о них современников, информация о людях, которые заказывали или владели его картинами или рисунками, встречающиеся в большинстве писем, важны для исследователей творчества художника. «Здесь в Петербурге все жаждут иметь что-нибудь твоих трудов», — пишет 30 октября 1826 года Аполлон Сильвестру, называя среди жаждущих баснописца Крылова, Гнедича и других (письмо V).

Вещи, давно ставшие реликтовыми, обретают в посланиях А.Ф. Щедрина неожиданную новизну. Мы оказываемся современниками еще только реконструкции здания для первого (петербургского) Румянцевского музея (письмо V), свидетелями строительства Александринского театра, Публичной библиотеки, застройки Театральной улицы (письмо IX), продолжения строительства Исаакиевского собора (письмо III), узнаем о предстоящем строительстве нового здания Сената и перестройке «Двенадцати коллегий» для университета (письмо XIII).

Аполлон глухо упоминает о восстании декабристов («некоторые буйные головы в самом малом числе думали было повозмутить народ», — пишет он, добавляя слова «в самом малом числе» над строкой, позднее, из осторожности, как можно полагать) (письмо I), сообщает о Верховном суде на ними, об исполненных приговорах (письма III, IV).

Фигуры императора Николая Павловича, почившего Александра I, императриц Марии Федоровны, Елизаветы Алексеевны, Александры Федоровны неизменно присутствуют в посланиях Аполлона. Николай I — «русский царь» (письмо V), который «занимается всем» (письмо III), «добрый наш император» (письмо IV), отдающий «мудрые распоряжения» (письмо I), «наш весьма обожаемый император» (письмо VII) — сквозной герой, не покидающий сцену. Видно, что Щедрин без лукавства относится к нему с преувеличенным почтением, однако не выказывает при этом холопства. С любопытными подробностями и не без иронии описывает он обеды в честь коронации Николая I у герцога Девонширского, у герцога Рагузского, у князя Юсупова, у графини Орловой-Чесменской. Как близкий к Академии художеств человек Щедрин не может, конечно, не сообщить брату о посещении императором их альма матер. Посещение

это предшествовало последовавшему вскоре переходу Академии художеств из ведения Министерства народного просвещения в ведение Министерства императорского двора, где она находилась вплоть до 1917 года. Подробности этого факта весьма колоритны и несколько неожиданны по интонационной свежести (письмо XIII).

Есть в письмах подробности, которые, возможно, сохранились только здесь. Аполлон, например, сообщает, что осенью 1827 года в Петербурге спустили на воду 3 корабля (письмо VII), что летом 1826 года вокруг города горели леса и несколько дней нельзя было открыть окна из-за дыма (письмо IV), а летом 1828 года появилось такое множество комаров, что от них не было житья (письмо X). А жуткая история с мощением досками Невского проспекта (письмо III)?

Аполлон, в каком-то смысле, олицетворял для Сильвестра Щедрина дом, устойчивый быт, которого много лет был лишен старший брат. В каждом письме домашние новости, не всегда приятные, но всегда нужные, всегда интересные. Есть подробное описание кабинета А.Ф. Щедрина с роскошным перечислением находящихся в нем произведений Феодоса Федоровича, Семена Федоровича и Сильвестра Щедриных (письмо IX). «Елка твоя что-то чахнет, а дубки славно растут», — пишет Аполлон, сообщая брату о судьбе деревьев, которые тот, незадолго до отъезда, посадил на семейной мызе (письмо VIII). Мы чувствуем напряженный ритм жизни столичного архитектора-строителя, когда, оправдываясь перед братом за долгое молчание, Аполлон приводит «образчик занятий», которые ему предстоит исполнить в течение дня. Это впечатляет (письмо VII).

Письма Аполлона Щедрина к брату Сильвестру прежде не публиковались, однако, нельзя сказать, что они совершенно неизвестны. Их использовали как материал для комментария, по крайней мере, два искусствоведа, писавшие о жизни и творчестве Сильвестра Щедрина — А.М. Эфрос и Э.Н. Ацаркина. Сначала А.М. Эфрос[13], который не мог не видеть этих писем, ведь они лежат в одной папке с итальянскими эпистолами Сильвестра Щедрина к родителям и брату Аполлону в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (Москва). Вслед за А.М. Эфросом письма знала и видела Э.Н. Ацаркина. Она ссылается на них в монографии «Сильвестр Щедрин», в том числе в аннотациях к «Списку произведений» художника[14].

Аполлон писал брату и до 1825 года, которым датировано самое раннее из публикуемых здесь писем. Но то были, строго говоря, не письма, а приписки к посланиям родителей. Поначалу незначительные, содержащие просьбы о приобретении книг либо вопросы о характере архитектуры в государствах и городах, которые видел старший брат. 7 ноября 1824 года Сильвестр Щедрин впервые написал домой: «я получил письмо брата»[15]. Но письма из Петербурга за 1818—1824 годы не сохранились, мы знаем о них только из писем Сильвестра.

Ситуация меняется после смерти отца, Феодоса Щедрина, 19 (31) января 1825 года. Сильвестр в Италии, и Аполлон теперь старший в семье. Переписка с братом неизбежно стала бы его делом, даже в том случае, если бы отношения братьев не отличались сердечностью. К счастью, их отношения были хорошими и остались такими до самой смерти С.Ф. Щедрина в конце 1830 года. Проект встречи с Сильвестром в Париже, возникший в воображении Аполлона (письмо V), свидетельствует, скорее всего, о его привязанности к старшему брату. Возможно, кстати, что именно для того, чтобы легче уговорить Сильвестра поехать в Париж, Аполлон «не забыл» сообщить ему рассказ Алексея Оленина, сына президента Академии художеств, о том, что «в Париже об наших художниках идет весьма хорошая слава, а в особенности о тебе» (там же).

Итак, Аполлон начал писать старшему брату «самостоятельные» письма в 1824 году. Прежде декабрьского письма 1825 года (письмо I) была «записка», как Сильвестр называет письмо Аполлона, полученное в конце марта — первой половине мая 1825 года в Риме[16]. И еще одно письмо — «с портретом батюшки»[17] — пришло в июле—августе в Сорренто, т.е. уже в Неаполитанское королевство.

Все последующие письма, которых за пять лет набралось пятнадцать, сохранились. Почему не сохранились три вышеупомянутые? Трудно сказать. Прошло столько лет. Удивительно, скорее, сколько сохранилось. «Записка» и письмо 1824 года могли быть утрачены вместе с письмами родителей, которые Сильвестр, уезжая летом 1825 года в Неаполь, оставил в Риме, где они затерялись после его смерти. Едва ли он вспомнил о них зимой 1829—1830 года, когда больной оказался в холодном Риме, вернувшись из поездки в Швейцарию.

Два последних письма Аполлона оказались в полосе смерти Сильвестра Щедрина, высветив его драматическую и, в общем, неожиданную кончину. Письмо от 1 (13) июля 1830 года (письмо XIV)

полно неподдельного искреннего участия, беспокойства о здоровье брата, желания убедить его вернуться в Россию. Оно все только об этом. Письмо XV датируется 30 сентября 1830 года. В нем чувствуется радость от того, что в состоянии здоровья Сильвестра произошел перелом, наметилось улучшение. Большая часть письма посвящена планам устройства жизни Сильвестра в России и подробному описанию осенней 1830 года академической выставки. Но чувства и планы родных и описание выставки уже не понадобились. Письмо прошло регистрацию неаполитанской почты 8 ноября (27 октября) 1830 года и не успело к адресату, который в этот день умер в «доме Тасса» в Сорренто.

Все пятнадцать писем публикуются по рукописным подлинникам, из которых четырнадцать (I—XIV) хранятся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (Москва), одно (XV) — в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи (Москва). Редакция текстов близка к автографам настолько, насколько нефаксимильное издание может быть близко к подлиннику. В данном случае это не сложно, поскольку грамматические нормы А.Ф. Щедрина не отмечены особенными вольностями (в отличие от грамматики Сильвестра Щедрина) и соответствуют грамматике начала XIX века, в ее, так сказать, ортодоксальном варианте. Так или иначе, все устойчивые орфографические особенности текстов сохранены. Знаки препинания неизбежно приближены к современной пунктуации (хотя редкие пунктуационные формы типа «19: ноября», «т: д:», «т: е:», «франц:» оставлены без изменений).

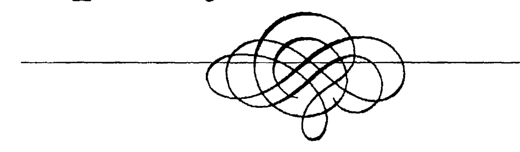
Особенности текстов, нуждающиеся в комментировании, отмечены в подстрочных примечаниях. Сокращения, в случае необходимости, восполнены в квадратных скобках. Реальный комментарий помещен в конце публикации. Комментирование имен собственных, как правило, делалось только при первом упоминании имени.

Редакционный заголовок состоит из порядкового номера, присвоенного письму, места его написания и даты, которая приводится по юлианскому (старому) и григорианскому (новому) стилям и может отличаться от собственной даты текста. Обоснование уточнений датировок писем приводится в подстрочных примечаниях. Собственные даты писем сохранены в том виде, в каком они наличествуют в подлиннике.

В заключение справедливость требует выразить искреннюю признательность за помощь в работе с текстами А.Ф. Щедрина со-

трудникам читального зала Отдела письменных источников Государственного исторического музея (Москва), особенно М.В. Катагощиной; сотрудникам читального зала Отдела рукописей Государственной Третьяковской галереи; Т.Е.Сохор (Санкт-Петербургский государственный университет), на плечи которой легло создание оригинала-макета и оформление издания; и, конечно, В.А. Лебедеву (Москва), в доме которого в переулке Гайдара так хорошо работалось.

Письма в Италию к брату Сильвестру

Письмо I
Санкт-Петербург, 25 декабря 1825 года (6 января 1826 года)

Петербург декабря 25 д. 1825 года

Любезный брат!

Давно я к тебе не писал[18], собирал все разныя приятныя известия; но вдруг любезное наше отечество постигло величайшее и неожиданное нещастие. Государь император Александр скончался 19: ноября в Таганроге, куда он отправился в сентябре месяце для здоровья государыни императрицы Елисаветы Алексеевны — мы тот час все присягнули цесаревичу Константину Павловичу, который от престола отказался, а 14-го декабря приняли все вновь присягу государю императору Николаю Павловичу и наследнику его великому князю Александру Николаевичу. Хотя все мы соболезнуем душевно о потере столь великаго и благодетельнаго монарха, но утешаемся мудрыми распоряжениями новаго, он занимается день и ночь делами, не жалея своего здоровья. В манифесте своем он сказал, что желает, чтоб царствование его было только продолжением царствования Александра[19]. Тело покойного Императора еще неизвестно когда сюда привезут, полагают что около марта. При новой присяге некоторые буйные головы в самом малом числе* думали было повозмутить народ и показали между тем, что в нашем благословенном царстве любят только мир и тишину, привычка покоряться власти законной и держаться того, что изкони уже ведется, одним словом все идет по старому, везде тихо и смирно — вероятно подробности о смерти государя Александра и о возшествии на престол императора Николая будут у вас в газетах и тогда уведомь нас пожалуста как примут ето известие ваши итальянцы. Твой приятель г. Перовской[20], любимец новаго Государя, сделан при возшествии на престол фли-

---

* Слова «в самом малом числе» вписаны над строкой. *Здесь и далее примечания составителя.*

гель-адъютантом — не худо, естьли ты ему когда нибудь словечка два напишешь.

Марья Яковлевна Нарышкина[21] я думаю уже приехала в Рим, она вам разкажет новости петербургския и о мнении публики нашей о вас, а я тебе только скажу, что присланныя твои картины для г-н[а] Бахметьева[22] приняты здесь очень хорошо. Президент наш[23] велел тебе заметить, отдавая впрочем должную справедливость, что деревья и земля вообще немного небрежно написаны, картины твои дома стояли у него в покоях, все туда ездили и любовались; с твоими картинами вместе привезены какие то два пейзажика преплохия. По получении в Петербурге сих картин ко мне приступили многие любители и охотники, чтоб я просил тебя прислать сюда твои картинки небольшия и недорогия, как ты писал мне в 10,15 или 20 червон:, и я ручаюсь, что они тотчас все будут разкуплены, сколько бы их не было. Последними твоими картинами здесь более еще довольны, нежели теми, которые находятся в Эрмитаже в руской галлерее[24]. На щет программы для звания я говорил с Президентом, он говорит что ты можешь написать что тебе угодно, только не худо будет, естьли ты напишешь две, одну ландшафт, а другую перспективу. Чтож касается до премии, то они существуют у нас только в уме[25].

Александра Дмитриевна Владек[26] писала я думаю уже дюку Серо Каприоло[27] о картинке и желала, чтоб ты сам с ним познакомился, он занимается также живописью. Он в самом деле, предобрейший человек, я имел с ним небольшое дело, только я тебя усердно прошу, да и все мы, поторопись прислать ей картину, что ты обещал, чтоб она не почла нас обманщиками, она много сделала для нашей маминьки, к тому ж и ето еще первая моя прозьба к тебе. Естьли же ты разсудишь прислать несколько твоих трудов не в дорогую цену, то адресуй прямо на меня, также и картину для г-жи Владек, я все издержки приму на себя и будь уверен, ты не будешь в убытке.

При сем я посылаю тебе портрет матушки, хотя и не весьма похожий; но и за тот она заплатила из собственнаго своего пансиона 25 руб. Я нарочно содрал сзади бумагу, чтоб не толст был пакет. Посылая к тебе уже другой портрет[28] в пакете да позволено мне будет сделать тебе маленький упрек, неужели ты не мог во все время прислать к нам хоть чуточку твоих трудов также в конверте? Кажется пересылка тут не затрудняет и правду тебе сказать, что стыдно отвечать, когда спрашивают естьли у вас что-нибудь трудов брата. Я еще тебя прошу, естьли ты желаешь что-нибудь прислать, присылай сме-

ло, чтоб ни стоил провоз я приму на себя; ибо меня ето не разорит, а доставит несказанное удовольствие видеть в Петербурге труд родного брата. В таком почтении да ты и должен трудиться для русских, естьли они желают у тебя покупать, покупая же небольшия картинки, приучатся к большим, к тому же и г. Перовский может представить труды твои Государю. Вот мои мысли, ты сам разсудишь ошибаюсь я или нет. О последних картинах твоих Григорович обещал сказать в будущем номере своего журнала[29], также и о статуе Остермана[30] Самойлы Ивановича[31], она стоит (алебастровая) в мастерской у г. Мартоса[32], все ею любуются, не нравится только многим зачем рука положена наперед, впрочем говорят ето было желание графа.

На щет приезда вашего в Петербург вам есть кажется с кем теперь посоветоваться, Марья Яковлевна Нар[ышкина] преумна барыня, любит художества в руских, да и муж ее Кирил Александр[ович][33] также может быть к вам будет летом, он предостойный человек, настоящий руской барин, приятно послушать его суждения, я хотя с ним очень часто имею размолвки, но люблю его от всего сердца именно за его основательное разсуждение. У него есть дача за Петергофом к морю, с прекрасным местоположением и пречудесными дубами, лучше даже наших твоей посадки[34]. Филипсон[35] (пьяный от сивухи) делал там виды, но неудачно.

Я желал бы тебе только потому поскорее в Петербург, чтоб самому куда-нибудь уехать, наскучило здесь. Я и без того дней на десять на третий день Рождества отправлюсь в Москву, посмотреть наших родных, оне в крайней бедности. — Живи, бог с тобою, естьли там хорошо. Т. Васильев, отставной наш инспектор, желает определиться к ландшафтному классу (котораго он не может получить) и спрашивает не будет ли ето нам и тебе обидно[36]. Я его обеими руками перекрестил, сказав что ты и не думаешь об етом классе — естьли кроме 600 руб. ничего другого в виду не будет, то небольшая радость, между нами будь сказано.

Мы все слава Богу здоровы кроме маминьки, она часто прихварывает и крепко постарела и ослабела[37]. Все желают тебе здоровья и поздравляют с праздником, Новым годом и твоим ангелом[38]. Естьли будешь писать к нам, то пришли поклон нашему старику крестному[39], он всегда об тебе вспоминает и со слезами с нами разстается. Я хочу к нему съездить, у него теперь много гостей, так и хлопот довольно. К.И. Васильев и Матрена Григорьевна[40] все еще в Туле. Петр Иванович Мартос[41] приезжал недавно из Новагорода и просил напи-

сать тебе поклон от старого солдата. Настасья Ивановна также в Петербурге.

Зима у нас стоит довольно дружно, но без снега, все ездят на колесах. Глинку[42] и Сазонова[43] давно я не видал и потому ничего тебе про них сказать не могу, а Крылов[44] здоров, денег маминьке не платит, а за крепостную девку еще заплатил 1000 руб., да и глаз к нам не кажет. Лангера[45] иногда я встречаю, он и без того не больно красив, да еще причестку носит какую то хохлатую, уж куда нехорошо. Напиши пожалуста что-нибудь о Тоне младшем[46], что он делает в Риме, отец по нем страх горюет, — ресторацию свою он прислал. От Брюна[47] получены в Академии экскизы его из Российской истории; весьма плохо, как жаль, что он так уродует хорошие сюжеты. Мейер[48] в Петербурге, но я его не видал. Естьли Александр Брюлло[49] в Неаполе, поклонись ему от меня. Да не забудь о картинке г-жи Владек и выбери маленькую, но хорошую, потому что она будет в лучшем петербургском свете.

Остаюсь любящий твой брат А.Щедрин

Мамка твоя продала часть места[50] и построила себе новую избу.

Письмо II

Санкт-Петербург, 13 (25) февраля 1826 года

С.Петербург февраля 13 ст.ст. 1826

Любезный брат!

Письмо твое от 16 генваря нов[ого] ст[иля] из Неаполя я получил 6 февраля, ты послал твое письмо прежде получения моего ответа на твои вопросы, но теперь вероятно ты уже получил сии вместе с портретом матушки. Я тебе писал, что Президент позволяет тебе написать картины для звания академика и пр. Об картинах твоих я также писал, они теперь выставлены вместе с другими картинами Брюлло и друг., на Невском проспекте[51], все ими весьма довольны. Общество поощрения художников[52] учредило сию выставку для продажи своих вещей, а между тем выпрашивает у художников лучшие их произведения, чтоб привлечь публику. Не забудь пожалуста прислать картину для г-жи Владек, для нас ето будет большое одолжение. Я думаю она уже писала к дюку Серо Каприоло. Также я тебе еще раз советую прислать сколько хочешь картинок своих, только небольших, и я их все продам и, будь уверен, деньги тебе

тотчас перешлю, ибо мне в твоих деньгах нужды нет. Впрочем, естьли в России желают купить твои картины, то ты должен сделать ето удовольствие для руских как руской — ты можешь жить в чужих краях сколько хочешь, но дарить своими картинами одних только иностранцев ето предосудительно и естьли ты вздумаешь отказать в присылке картин твоих, то тебя весьма будут бранить и защитить нельзя будет.

Я недавно приехал из Москвы, где прожил около месяца. Москва мне очень понравилась, город самой живописной. Там я видел нашу княгиню Зенеиду Волхонскую[53], которая мне ужасно не понравилась, и я не решился уже более к ней идти — она хотела было затеить в Москве домашний театр по-старому, да всеобщий траур* все разстроил.

Тело покойнаго Императора вывезли из Москвы 6 февраля с пышною церемонией, везде безмолствовала страшная тишина; в Петербург привезут благословенный прах оного 6 марта, выстроены две катафалки — одна в Казанской, а другая в Крепости, также во всех городах, где провозили тело, были устроены богатые катафалки. Василий Иванович[54] наряжен в церемонии в черном плаще и распущенной шляпе — впрочем весь церемониял вы будете читать в газетах. Матушка слава Богу здорова, также и все тебе кланяются. Галсберговы[55] все здравствуют.

Много тебе я не пишу, потому что ожидаю ответа на прежнее мое письмо.

Остаюсь брат твой Аполлон Щедрин

Февраля 13-го 1826.

Письмо III

Санкт-Петербург, 5 (17) июня 1826 года

Любезный брат!

Я получил в короткое время от тебя три письма и ни мало не в претензии платить за них, напротив того очень рад. Нельзя не посмеяться над твоею осторожностию на щет пересылки записки Крылова[56], с такими разчетливыми людьми как ты и С.И. Гальбергом всегда тако случается. — Вы полагали, что уже не может быть вернее аказии как переслать записки с С.И. Тургеневым[57], но об нем ни

---

* В подлиннике: тротуар.

слуху ни духу, да и спрашивать как видно не льзя, и естьли б не добрый князь Гагарин[58], то мы вероятно не получили бы ни писем, ни записок, ни твоих картинок — также и письмо твое посланное с бароном Сакеном[59] прислано мне просто из Иностранной комиссии[60]. К тому же, как могли вы держать без действия записки, писанныя на срок? И срок етот уже миновался два года и вы в миссии[61] не предъявили о сем; но ето я все поправлю и стяну с Крылова деньги всеми возможными силами. Воскресенье мы, т.е. Карл Иванович и Александр Христофорович[62], пойдем еще к князю просить утвердить здесь сии записки или же мы возьмем с Крылова заемныя письма, на что я его уже принудил — и сии заемныя письма мы можем продать тем людям, от коих он будет получать работы, сроком сии заемныя письма я полагаю сделать на полгода. Вы знаете уже хорошо етаго плута; но чтоб дать еще полнее об нем идеи, я должен тебе описать мою с ним переписку. — По получении от князя его записки, я тотчас ему написал, чтоб он сказал мне когда заплатит или же я поступлю с ним по законам и буду протестовать, ибо ты сего непременно требуешь. Его ответ *«Милостив[ый] госуд[арь]! В Риме я был в то время в сумасшествии, когда брат Ваш давал мне деньги и когда я пред отъездом давал и росписку в оных, о сумасшествии же моем было известно так и всем моим товарищам и Посольству, о чем я объяснял и Президенту и Вашей матушке; не взирая на то, я не отказываюсь заплатить оные, но по сие время и теперь не могу, а в течение некотораго времени заплачу непременно и пр. — но дела, то есть долги и росписки, произведенные мною в Италии во время моего сумасшествия, дают мне право просить иметь снизхождение тех, кому я сделался должен в такое время»*[*].

На такое мерзское его письмо, написанное на обороте моего[**], я ему отвечал, что я из слов его замечаю, что вы, давая ему деньги, и князь, принудивший его дать росписку, возпользовались его сумашествием, а посему Посольство будет виновато, ибо есть положение, чтоб ни с пьяными ни с сумасшедшими не делать никакого обязательства и естьли князь теперь даст ему свидетельство, что он действительно был в Риме сумасшедший, оно тогда никто не имеет права требовать от него денег. — Сие замечание ему крайне не понравилось и он мне письменно начал советовать остерегаться смеяться над

---

[*] Здесь и далее курсивом выделены слова, в подлиннике подчеркнутые А.Ф. Щедриным.

[**] См.: ОПИ ГИМ, ф.457, оп.1, д.29, л.167, 168.

людьми, которые осторожно отвечают и притом еще упоминает, что хотя он был в таком сумасшествии, что брал у Вас деньги и бросал собравшемуся около окон народу, но зная доброту твоего сердца *не сомневается в справедливости твоей росписки* и что все ето дает ему право требовать продолжения времени для уплаты. На сие я ему также посоветовал не обижаться, а заплатить поскорее, а не упоминать о снизхожде[нии], ибо и ты и я сего для него более не сделаем — и что я дам ему на полгода срок, естьли он даст на твое имя заемное письмо, в противном случае я поступлю с ним не очень вежливо. Ето его напоследок видно тронуло и он соглашается дать заемное письмо на чье угодно имя, вот чего мне только и нужно было, ето же самое сделает и братец Самойлы Ивановича. Я уже с ним советовался. — К тому надобно присоединить для характеристики Крылова. — Он все еще живет с девкою, выкупленною из рабочаго дома[63], заплатив уже до сих пор за нее более 1500 руб., и все еще она не его, имеет от нее дитя, которое не крещено более 4-х месяцов, держит лакея с платою по 35 р. в месяц, кухарку и горнишную и никому ничего не платит. — Взял какую то работу в казне и передержал сумму, и имение его по приказам обер-полицмейстера описано и т.д.

Картинки твои, присланныя *с верным человеком(!!),* я получил от князя, дал им полежать на воздухе, свез две А.Н. Львову[64], ты хотя мне и писал, чтоб отдать их при огне, но верно забыл, что мы в майе месяце, у нас ночей нет, он ими очень доволен и просит картину его адресовать на мое имя в Петербурге когда она у тебя будет готова. Я все ему пересказал, как ты в письме своем повелел, остальные же две картинки остались у нас, одна у меня, а другая у Василья Ивановича, мы их натянули на холсте и в рамочки облекли. — Чтож касается до выставки твоих картин и о суждении об них, я могу тебе только сказать, что ими все очень довольны, а печатнаго еще разбора нет, ибо Григорович так ленив и непорядочно издает свой журнал, как не льзя хуже[65]. Але[ксандр] Н[иколаевич] Львов велел тебе сказать, что в Петербурге знатоков не много и те твоими картинами довольны и теперь даже, что ты не напиши все будут хвалить, оно конечно от части правда, только мне кажется, ета похвала ненадолго и все нужно писать лучше. — Четыре твои картинки просили выставить для публики, но я до сих пор еще не смею етаго сделать, полагая, что тебе ето не понравится и естьли ты позволишь, то я тот час их выставлю и тогда прозьб на такия картинки будет без конца, разумеется за деньги. — Мы все тебя благодарим от всего сердца за картину для г-жи Владек.

Мы довольно посмеялись итальянской кукольной комедии и всем вашим фарсам. Маминька тебе советует поболее заниматься хозяйством, ето страх полезно на будущее время; мы теперь живем у себя на даче то есть маминька и двоюродная наша сестра, которая приехала к нам из Москвы, Мария Яковлевна Бадьян[66]. — У маминьки болит очень нога и она не иначе ходит как с палочкою. — Лето у нас такое как никогда не запомнят, жары ужасныя, все погорело, безпрестанно молятся о дожде, червь все поел и теперь дождь немного начинается показываться. — Сазонов и Глинка тебе кланяются, я довольно часто их видаю, Мейера же ни разу не видал. — Сестрица Елиз[авета] Федос[еевна][67] велят тебе переписать имена всех ее детей, а твоих племянников, чтоб ты етот список имел пред собою, когда пишешь посланье, а то ты всегда кого нибудь да пропустишь. 1. Елисавета. 2. Марья. 3. Павел. 4. Иван. 5. Владимир и 6. Мемнон. Муж Натальи Никитишны[68] Константин Дмитриев Васильев служит в комерческом банке, а дочь у ней Елисавета еще нигде не служит.

Я думаю вы читали уже в газетах, что Россию вновь постигло нещастие. Императрица Елисавета приехала в вечное жилище[69], потеря ее оплакивается всеми, она была ангел доброты. — Для меня ето тем более горестно, что я нахожусь архитектором при доме Женскаго патриотическаго общества[70], куда принята и маминька, которая состояла под ее покровительством. Я имел щастие в прошедшем году в майе месяце с нею говорить и поднесть ей экземпляр ее строений, за что получил перстень. Теперь еще неизвестно к кому перейдут ети заведения. — Коронация была назначена прежде в июне, а теперь за похоронами должно немного остановиться. — 13 числа июня привезено будет тело в Петербург и поставится в Крепости в Соборе. — Вы русские и в отдалении от своего отечества можете поплакать и потужить о двух сих сказанных покойниках.

Для поздравления государя императора Николая Павловича приезжали сюда важныя люди, Веллингтон[71], брат австрийского Императора[72], теперь здесь герцог Рагузской Мармон[73]. — Он дает превеликолепные обеды, они начинаются в 7 часов ввечеру, блюд бывает до 40. — К десерту подаются маленькия тарелочки с чудесною живописью и каждой даме букет цветов неживых, превосходно сделанных, и каждый цветок пахнет так, как ему надлежит — и стоит по крайней мере сто рубл[ей]. — За столом обносят вина и при каждой

бутылке официянт говорит Chateau Lafite Marechal de Sou Ex[ellence]* — значит его плантаций.

Недавно сюда приехал английнский лорд[74], который еще богаче французскаго маршала, теперь любопытно, чем он перещеголяет французския выдумки. Я думаю велит подать каждому по целому быку для розбифа и вместо букета по $\frac{100}{т}$ ф. стер.** — тогда можно бы было попроситься к нему пообедать. — О Москве я тебе писал, кажется, а об родственниках могу только сказать, что они живут весьма бедно, да их и немного там — одна только тетка — во время моего там пребывания был траур и теперь у нас он продолжается и потому не могу судить о жизни московских жителей, только скажу, что Москва прелестна. — Строение московскаго храма Витберга[75] теперь остановлено, да еще ничего там и не сделано, кроме того, что землю с места на место перевозили, да и Витбергу теперь и дела нет, он имеет безподобное состояние. — Исакиевской собор начал строиться опять по проэкту Монферана[76], утвержденному еще покойным Государем.

— У нас в Петербурге еще в прошлом году вздумали по улицам положить под колеса доски вровень с мостовую, из етаго вышло то, что лошади ломают ноги и улицы имеют вид в дождливое время пребезобразный — вода подливается под доски, доски хлябауют, и как едишь в дрожках, то всего перебрызжит, а денег убито говорят много и тот кто проэкт етот подал уверил, что доски пролежат 20 лет, а они в одно лето насквозь прохудились.

2 июня обнародован здесь манифест для учреждения Верховнаго суда составленнаго из Государс[твенного] совета, Правительствующего сената и Святейшаго синода для суда виновных против Отечества и участвовавших 14 декабря[77]. Государь требует от них единого, правосудия. По окончании сего Верховнаго суда будет все обнародовано, члены собираются каждый день в сенате. Наш Император занимается всем и удивляться должно как его достает, по его занятиям должно думать, что у него в сутках 48 часов. — Императрица Мария Федоровна[78] теперь в Москве, она было поехала навстречу к покойной императрице в Белев Калуж[ской] губер[нии], но не застала ее в живых несколько часов. — Велик[ая] княг[иня] Елена Павловна[79] родила дочь Елисавету также в Москве.

---

* (*Фр.*) Шато Лафит Марешаль его превосходительства.
** 100 тысяч фунтов стерлингов.

Пожелав тебе всякаго благополучия, здоровья и побольше работы остаюсь любящий брат Аполлон Щедрин

P.S. Не знаю получил ли Самой[ла] Иван[ович] деньги от графа Толстого[80], а они ему отправлены князем Гагариным. — Пожалуста, поклонись ему от меня и посмейся над его осторожностью за посылку писем и росписок с самым верным человеком. — Петербург июня 5-го 1826, суббота.

Письмо IV

Санкт-Петербург, 31 июля (12 августа) 1826 года

Любезный брат!

Я хотя и не хотел к тебе писать до получения картины для г-жи Владек, но все дела честнаго Крылова сделали по своему. Я уже тебе писал прежде, что он обещал вместо ваших записок дать на мое имя и на имя Карла Ивановича[81] заемныя письма на срок, но теперь верно разобрал что с этим нельзя, начал отлынивать и пишет мне, что он даст охотно заемныя письма и деньги заплатит гораздо ближе новаго года все сполна, только чрез две недели поговорит об етом со мною в подробности, а теперь очень занят, а сии две недели могут продолжаться вечно — подать же ко взысканию мы не можем без верующих от вас писем*, кои по приложенной при сем форме ты и Самойла Иванович должны написать на нашей гербовой бумаге на имя Карла Ивановича и засвидетельствовать в миссии. Князь Гагарин сам нам советывал взять с него заемныя письма, между тем ожидая от вас сих верующих писем, сам буду безпрестанно Крылова тармашить до нельзя. — Свинцов[82] и другие молодые скульпторы с ним обходятся без совести и вводят его в страшныя беды.

У нас теперь в Петербурге страшная тишина, все уехали в Москву для коронации, которая еще неизвестно котораго числа будет — везде готовят иллюминации и фейерверк. Добрый наш Император, бывши еще в Петербурге, дал два праздника на Елагином острову (на которых впрочем сам не участвовал по причине траура) и ето надобно было видеть с каким восторгом жители сей Столицы, отвыкшие от всех вольностей, спешили на сей праздник, везде были музыканты и певчие. — Нева была наполнена лодками с песельниками

---

* Верующее письмо — доверенность.

и говорят, что праздник сей будет каждый год 1-го июля, в день рождения императрицы Александры Федоровны[83].

Преступники, хотевшие было нарушить спокойствие 14 декабря 1825, наказаны каждый по своему преступлению 13 июля, а 14 было на площади у Монумента большое молебствие, что Бог не попустил сим преступникам исполнить их злое намерение. — Манифест Императора на сей случай написан превосходно[84] — и как он занимается делами ето непостижимо, ложится спать за полночь, встает весьма рано.

Впрочем все ети новости Вы будете читать в газетах. — У нас нынешней год было такое лето, какого никто не запомнит, дни были прекрасные, и от жаров все посохло, около Петербурга кругом горели леса, и было несколько дней, что нельзя было открыть окна от дыма, солнце было совершенно без лучей, как месяц, от густоты воздуха — а на дачах в окрестностях Петербурга чуть не задохлись от дыма, но теперь начались дожди и помощью людей пожар в лесах потушен — ожидают, что сено будет очень дорого, а хлеб говорят родился очень хорошо. —

Я уже получил известие из Ливорна[85], что картина отправлена в Петербург к Штиглицу[86] (банкиру), но еще не получена. Я справлялся в конторе, што надобно будет за нее заплатить 60 руб. и я полагаю ето совсем недорого. — По получении оной я точно буду поступать как ты мне предпишешь.

Маменька тебе кланяется, она все не очень здорова и весьма слаба. — Васил[ий] Иван[ович], Ели[завета] Федосее[вна] и дети как то: Лизинька, Машинька (институтка), Павел (ученик), Ваня, Владимир, Мемнон и новорожденная Клеопатра тебе кланяются.

Форма верующаго письма

Милостивый государь Карл Иванович!

Бывший пансионер Им[ператорской] Акад[емии] Худ[ожеств] Михайло Крылов, в бытность его в Риме, занял у меня сто двадцать римских скуд, в коих и дал роспиську засвидетельствованную в канцелярии Римской императорской миссии. А как он из Рима выехал, не заплатив мне сих денег, и ныне находится в С.Петербурге, то покорнейше прошу Вас по прилагаемой при сем роспиське означенныя деньги, составляющие российскою монетою шесть сот двадцать пять рублей, с него Крылова взыскать и в случае надобности подавать от имени моего куда следует прошения и в приеме денег росписаться, в

чем я Вам верю и что Вы по сему учините спорить и прекословить не буду —

ваш покорный слуга Сильвестр Щедрин,
бывший пансионер Им[ператорской] А[кадемии] Х[удожеств]
Рим, сентября $\frac{00}{00}$ дня , 1826.

Сия доверенность принадлежит г. титулярному советнику
и кавалеру Карлу Ивановичу Гальбергу.

Таковую же доверенность пусть и Самойла Иванович пришлет — а в миссии должны на них надписать: подпись учинена действительно таким то.

Прощай, будь здоров и щастлив. — Была у меня тема, а толку мало. — Глинка, Сазонов и Кипренский[87] часто о тебе спрашивают.

Маминька живет еще не [в] Петербурге.

Брат твой Аполлон Щедрин
Июля 31-го 1826, суббота.

Письмо V

Санкт-Петербург, 30 октября (11 ноября) 1826 года*

С.Петербург октября дня 1826

Любезный брат!

Письмо твое от 26 сентяб[ря] из Амалфи получено мною 28 октября, в то самое время, как я с нетерпением ожидал от тебя ответа на последнее мое письмо, в коем просил выслать доверенность на имя К.И. Галберга в получении денег с мерзавца Крылова, ибо без оной нечего делать, и по моему разчислению оно должно быть давно в Риме. — Картину я получил уже три недели тому назад от Штиглица и заплатил за провоз и комиссию 118 руб. Мы все тебя чувствительно благодарим, также и м[адам] Владек. А.Н. Львов был у меня нарочно для картины и нашел ее весьма хорошею, но тогда она еще по твоему приказанию выстаивалась и не покрыта была лаком, и я бы никогда не поверил, что картина может так перемениться будучи закупоренною, после двухнедельной выставки против свету ее нельзя было узнать. Я посылал ее также к Президенту, там все ею

---

* Дата уточнена по содержанию письма.

были довольны. — В.А. Перовский ее еще не видал по своей болезни, но присылал ко мне одного немца, который с ним был в Риме. — Алекс[ей] Алексеевич Перовский[88] видел картину твою у Президента. — Недавно возвратился из чужих краев сын нашего Президента Алекс[ей] Алексеевич[89], он мне сказывал о [том,] что в Париже об наших художниках идет весьма хорошая слава, а в особенности о тебе, и говорят, что кроме того, что ты хороший художник, но и прекрасный человек в обществе с отличным поведением. Здесь в Петербурге все жаждут иметь что-нибудь твоих трудов, и кто же? Люди средственнаго состояния, именно баснописец наш Крылов, Гнедич и пр. От маленьких твоих картин все в восхищении, только я прошу, естьли тебе случится что либо посылать сюда, я думаю лучше посылать по почте, ибо чрез банкиров морем весьма дорого; посуди сам, за небольшую твою картинку 118 руб., ето безбожно. Братья Самойлы Ивановича мне сказывали, что он думает приехать в Россию, я нарочно спрашивал Президента, что может ли он надеяться быть принятым в Академию и иметь квартиру? Президент мне отвечал, без всякаго сомнения, квартира готова и вакансия адъюнкт-профессора есть, он нам будет очень полезен и, кроме того, я представлю об нем Государю; такой отзыв должен быть приятен Самойлу Ивановичу, естьли он действительно имеет намерение возвратиться, я при сем прилагаю также к нему письмецо, где его о сем уведомляю.

Одна экспедиция, о которой здесь носится слух, меня чрезвычайно радует, будущим летом (я думаю ты уже ето знаешь) станут ходить прямо из Петербурга в Англию пароходы, разумеется перво до Гамбурга, друго до Любека и т:д:, так что вояж етот до Дувра не продолжится долее двух недель и не будет стоить дороже пяти сот рублей. Ето прекрасно! Я на таком пароходе отправлюсь в Дувр, перееду в Кале и Париж, ты также приедешь в Париж на конгрес домашний, повидаемся, потолкуем и разъедимся по домам, т:е: я в Петербург, а ты в Рим, потому что, между нами будь сказано, никто не советует тебе еще возвращаться покуда есть у тебя дело в чужих краях. Такой вояж мне будет стоить не более 2000 руб., а может быть и ничего, а тебе все равно надобно же будет быть когда-нибудь в Париже, только когда?? Ето уже будет зависеть от тебя; когда захочешь, напишешь мне, и я отправлюсь; естьли б даже ето и никогда не случилось, то приятно об етом мечтать. — И Самойлу Ивановичу я бы советывал ехать в Петербург на пароходе, право ето гораздо приятнее и выгоднее. Академических новостей у нас никаких нет и

экспозиции не было в нынешнем году, а о каком новом начальнике в обществе, и в каком, ты изволишь разспрашивать, право я ума не приберу? В Обществе поощрения художников все еще Кикин[90]. Сазонова дела идут не очень хорошо, и он скучает, что приехал; Глинка славно отличается, из Кабинета имеет 3000 р., да недавно причислен ко строению Исаакиевского собора с 4000 р. и имеет партикулярную работу — он строит музеум из дома покойнаго канцлера графа Румянцова[91], который оставил Сазонову шищь. — Мейер все без места, Нарышкин К.А., муж Марьи Яковлевны, кажется хочет его занять. Крылов имеет довольно работы, и естьли ты по получении сего письма еще не отослал доверенности, то пожалуста поспеши, чтоб можно было что нибудь сорвать с етаго удальца. У нас по всем учебным заведениям страшное движение. Государь император изволит мимоездом заезжать и осматривать. Он несколько раз посещал Морской корпус, гимназии, Военно сиротское училище, Пажеский корпус и пр. и строго взыскивает, чтоб был во всем порядок.

По приезде Государя императора из Москвы после коронации[92] у нас никаких празднеств еще не было, кроме иллюминации по причине окончания траура*, а в Москве были такие праздники, коих описать почти невозможно. У герцога Рагускаго Мармона, у герцога Девонширскаго, у князя Юсупова[93] и графини Орловой-Чесменской[94]. — Государь давал спектакль в московском огромном театре для гвардейских солдат и где в нижнем ярусе и трех первых рядах кресел были посланники и генералы, а в прочих везде одни солдаты, разказывают, что ето был вид необыкновенный.

Великий князь Михаил[95] давал фейерверк, естьли его описать во всех подробностях, то ето точно сон или сказка. Колесница с 8 лошадьми со всадником вся в огне ездит кругом и лошади живые, из меча всадника огненный фонтан, пукет ракет состоял из 52 000. По окончании был залп из 101 орудия и после сего вдруг при громе музыки слышно было пение — Боже, Царя храни, и пр. Но что лучше всего и радостнее ето то, как ведет себя с народом наш Монарх. — Расказывают, в Москве он назначил день прощанья с солдатами в лагере[96] и приказал, чтоб они были все в шинелях и фуражках. Подъезжая к лагерю он приказал солдатам всем взойти в палатки, вышел из коляски и пошел совершенно один и приказал, чтоб все солдаты подошли к нему и, представь себе вдруг, в одно мгновение семнадцать тысяч человек в округ его, и он один между ними благодарит

---

* В подлиннике: тротуара.

их. Кто из монархов осмелится ето сделать, кроме Рускаго царя. Государь, окончив речь, пошел и вся ета толпа 17 000 потянулась, крича ура, от коего земля дрожала. Солдаты кидали ему в путь свои фуражки и говорили ненадобно нам 2 р., одно его *Спасибо* нам довольно и все в слезах возвратились в свои палатки. Подумай только, руской солдат плачет, стало быть он много чувстовал. Император въехал в Петербург[97] в коляске рядом в 4 лошади с императрицею и наследником прямо к Казанскому собору. Народ бежал за коляскою, крича ура! и кидая фуражки, одна такая фуражка на Сенной попала прямо в коляску и наследник ее выкинул[98]. У Казанской мне случилось быть самому. Когда Император вышел и сел в коляску, народ пришел в необыкновенное волнение, некоторые даже лезли в коляску. Император хохотал и грозил им пальцом, чтоб они не лезли, а вечером, когда они поехали по иллюминации, етаго уже и описать нельзя.

Прощай, будь здоров и весел, мы увидимся в Париже когда нибудь. Маминька все не очень здорова, впрочем, все слава Богу.

Остаюсь брат твой Аполлон Щедрин

P.S. При сем выписываю тебе речь митрополита Филарета[99] говоренную Государю императору при вступлении в Успенский собор.

«Благочестивейший Государь! Наконец ожидание России совершается. Уже Ты пред вратами Святилища, в котором от веков хранится для Тебя Твое наследственное освящение.

Нетерпеливость верноподданнических желаний дерзнула бы вопрошать: почто Ты умедлил? Если бы мы не знали*, что как настоящее торжественное пришествие Твое нам радость, так и предшествовавшее умедление Твое было нам благодеяние. Не спешил Ты явить нам Твою славу: потому что спешил утвердить нашу безопасность. Ты грядешь наконец, яко Царь, не только наследованнаго Тобою, но и Тобою сохраненнаго Царства.

Не возмущают ли при сем духа Твоего прискорбныя напоминания? — Да не будет! И кроткий Давид имел Иоава и Семея[100]: не дивно, что имел их и Александр Благословенный. В царствование Давида проросли** сии плевелы; а преемнику его досталось очищать от них землю Израилеву. Чтож, если и преемнику Александра пал сей жребий Соломона? — Трудное начало царствования тем скорее показывает народу, что даровал ему Бог в Соломоне.

---

* В печатном источнике: Если бы не знали мы (с.3, паг. 2-я; см.примеч. 99).

** В печатном источнике: прозябли (с.3, паг. 2-я; см.примеч. 99).

Ничто, ничто да не препятствует священной радости Твоей и нашей! *Царь возвеселится о Господе. Сыновья Сиона возрадуются о Царе своем. Да начнет все множество хвалить Бога: благословен грядый Царь во имя Господне!*[*] Всеобщая радость, воспламеняя сердца да устроит из них одно кадило пред Богом, чтобы совознести фимиам Твоего сердца, да снидет благодатное осенение Царя Царствующих на Тебя и Твое Царство.

Входи, Богоизбранный и Богом унаследованный Государь Император! Знамениями Величества облеки свойства истиннаго Величества. Помазание от Святаго[**] да запечатлеет все сие освящением внутренним и очевидным, долгоденственным и вечным». —

Ета речь переведена сыном Л.И. Кутузова[101] на франц:, немец:, англинс. и испанск. языки. Об итальянце я уже дал комиссию[102] и в следующем письме напишу есть или нет. — Львов ждет с нетерпением свои картины.

Письмо VI
Санкт-Петербург, 23 апреля (5 мая) 1827 года

Любезный брат!

Последнее твое письмо мы получили еще в феврале, но я тебе на него не отвечал, потому что ожидал от тебя ответа на другое письмо; кому нибудь надобно было непременно выждать, ибо письма наши потеряли порядок. Теперь же я к тебе пишу чтоб не потерять оказии. Управляющий домом тайн[ого] совет[ника] Мятлева[103] отправляется в Рим и вручит тебе или Самойлу Ивановичу письмо, при коем крест посылаем тебе от маминьки[104], медаль 1812 года с лентою и пряжечки для щегольства, ето твой орден по старшинству — ибо старший в семействе возлагает на себя медаль, напоминающую незабвенный год для нашего Отечества, а старший в семействе у нас ты.

Я говорил с П.А. Кикиным, он согласен дать тебе 16 месяцев вместо 12[105]. Только не знаю писал ли тебе о сем В.А. Перовский. Але[ксандр] Никол[аевич] Львов безпрестанно ко мне присылает за

---

[*] Этот фрагмент речи митрополита Филарета в печатном источнике также выделен курсивом: с. 4, паг.2-я; см. коммент. 99.

[**] В печатном источнике слова «помазание от Святаго» выделены курсивом (там же).

картинами. Ради Бога пришли, он все только и твердит, что деньги давно заплатил, а картин не вижу. Малинькая твоя картинка, присланная тобою ко мне для альбома, вид из твоего окошка наделала довольно шуму. Я ее подарил дочери Алексея Николаевича[106] в день ее именин нечаянно, етот альбом гулял можно сказать по всему Петербургу и все в восхищении и жалеют только, что не могут иметь таких же картинок у себя. Я не смею тебе советовать, потому что уверен, что ты не послушаешь, а весьма бы хорошо было, естьли б ты написал что либо в этом роде в альбом для императрицы Александры Федоровны. Она приняла бы ето весьма благосклонно и мне есть случай представить.

Наследники покойнаго Сапожникова[107], моего добраго приятеля, желая выполнить волю его, просят меня заказать тебе картину в пандан картине Воробьева[108], изображающую какой-либо пейзаж — длина картины 1 арши[н] 6 вер[шков] ширина 13 1/2 вер[шков][109], на боку я тебе назначу величину нашего вершка*, котораго у тебя может быть и нет, в аршине же 16 вершк[ов]. При первом письме ты мне напиши, что она будет стоить, а деньги верные.

Крылов здесь славно поживает, женился, нанял целый етаж, а самого посадили в тюрьму, только ненадолго, он имеет много работы и никому не платит, в том числе и нам, и матушке ето весьма прискорбно.

Естьли ты что либо хочешь прислать в Петербург, то поручи, естьли успеешь, Ивану Ивановичу[110], т:е: тому кто отдаст ето письмо, ето самая верная оказия, он верно все доставит.

Светлый праздник провели мы весьма весело, качели были устроены на площади около дворца, а на бульваре была поставлена полковая музыка в трех местах.

Я хотел тебе писать много, но не успею, ибо уже несколько раз приходили за письмом и посылкою.

Матушка очень слаба, впрочем все здоровы. Григорий Васильевич умер[111]. У меня нынешнее лето столько дела казеннаго, что не знаю как и справлюсь. В 11-ти домах будут производиться починки.

Прощай, будь здоров и весел.

Брат твой Аполлон Щедрин.

С.Петербург, апреля 23 д. 1827.

---

* На полях письма обозначена мера вершка.

Письмо VII
Санкт-Петербург, 12 (24) ноября 1827 года

С.Петербург. Ноября 12 д.1827

Любезный брат! Давно я к тебе не писал; но давно и от тебя никакого известия не получал, а как кажется твоя очередь была писать, впрочем самая законная причина была моему молчанию, потому что г-жа Судьба изволила тут некстати вмешаться. — Прошедшим летом в июне месяце послал я к тебе с самою верною оказиею письмо[112], при коем матушка приложила крест золотой для тебя, а я бронзовую медаль 12 года и пряжку с владимирскою лентою; поручение сие принял на себя И[ван] И[ванович] Мятлев[а управляющий] и на дороге умер, теперь тело его и мою посылку везут обратно в Петербург. — В свете случаются часто сходныя обстоятельства и потому я думаю и твои письма из Петербурга отправляются по какой нибудь законной причине обратно в Рим — и вот моя причина такому заключению: 2 ноября получил я из конторы Боненблюста[113] извещение, что прислан из за границы чрез Киев ящик с двумя картинами на имя не архитектора, а живописца Щедрина и что за сей ящик за провоз следует заплатить 225 рублей. — Я долго сомневался и не хотел брать ящика, потому что не имел предварительно от Вашего благородия никакого известия; но вспомнив, что я же просил тебя прислать картины А.Н. Львова на мое имя, упросил г. Боненблюста раскрыть ящик, чтоб посмотреть, нет ли надписи на картинах кому они назначены, так и случилось, по снятии верхней парусины открылась клеенка, на которой написано было pr. Al. Lwow — теперь картины я получил, дал им у себя выстояться, велел Короткому[114] покрыть лаком и отправил их к тестю Львова Ник[олаю] Семенов[ичу] Мордвинову[115], ибо его самого здесь нет. — Картин сих у меня еще никто не видал, какое же будет об них суждение тебе напишу, в таком только случае, естьли ты будешь по учтивее и напишешь ответ. — В открытии Академии, которое было прошедшаго сентября, я выставлял твою картинку вид Сарентскаго берега (А.Д. Владек), в журнале ее похвалили и сказали что она мала по величине, но велика по достоинству[116]. — В сей выставке отличныя картины были М.Н. Воробьева, вид Мертваго моря — Уткина[117], портрет импер[атрицы] Екатерины II с картины Боровиковскаго, отлично выгравированный. — Много портретов Кипренскаго. — А проклятой Доу[118] выставил всю свою генеральскую колекцию. — Воспитанники нынешний вы-

пуск были весьма плохи[119]. — Рабус[120], пейзажист, естьли ты его помнишь, сделан академиком. — Впрочем достопримечательнаго у нас в Академии ничего не случилось. — Составляется новой штат для Академии, чем же он всех порадует, того знать еще не льзя. — Новости у нас необыкновенныя, безпрестанныя победы над персами[121], Еривань и Тавриз взяли. — Зять шаха попался в плен, и сам наследник шаха просит дозволения приехать говорить о мире. — Какая же победа одержана над турками на море тремя соединенными державами, ето невероятно[122], описать я тебе етаго не могу, а ты лучше прочтешь, а может быть уже и прочел, в газетах. Не льзя кажется лучше и щастливее царствовать как наш весьма обожаемый император Николай. — И что удивительно, при всех его великих и важных занятиях он находит время посещать разныя заведения, и, не далее как вчера, я имел щастие Его Величеству показывать два вновь отделывающиеся заведения для девиц на Василь[евском] Острову. — Он был отменно весел и милостив — для меня етот день будет весьма памятен, ибо я еще первый раз в моей жизни удостоился разговаривать более получаса с Императором российским.

Нынешною осенью у нас в Петербурге спустили три корабля, построенные в течение одного года и тот же день заложили другие и что странно, что на другой день по спущении одного из сих кораблей пошел лед. Зима у нас преуморительная, два раза становился лед и опять проходил и теперь против Мраморнаго дворца ходят по льду. — Выше, за Троицким мостом, ездят на лодках. — К низу от Исаакиевского моста и за Горной корпус ездят также на лодках. — Дороги порядочной нет ни на санях, ни на дрожках.

Здесь множество есть охотников иметь твои картины и приступают ко мне с вопросами и требованиями, на которыя я не знаю что хоть отвечать; потому что уверен, что ты никак ничего не пришлешь в Петербург, когда у тебя на месте все покупают. — Естьли ты видаешь Григория Никаноровича и Варвару Алексеевну Олениных[123], то поклонись им от меня низменно и поздравь их от чистаго сердца с сынком. — Они оба предобрые и о тебе писали в Петербург весьма много хорошаго — что то делает у вас Марья Яковлевна Нарышкина, а супруг ее в Петербурге, также мне не заплатил, как и батюшка его, хотя бы она его усовестила.

Маминька все очень слаба и весьма страдает ногою, так что едва с палочкою ходит по комнате. — Вас[илий] Ив[анович], сестра и все дети, коим и я даже щет позабыл, здоровы, иные тебе кланяются, а иные книксен делают. — Машенька институтка весьма тебе кланя-

ется, Павел перешел уже во 2-ой возраст, только учится весьма лениво и дурно. — Письмо мое хотя и непространно, но и за то ты должен меня весьма благодарить, ибо я так занят казенными делами, что нисколько не имею свободнаго времени и должен был отказаться от всех моих частных обязанностей, доставлявших мне более 3000 руб. в год жалованья. — Но чтож делать, за Богом молитва, а за Царем служба не пропадают, меня определили по именному повелению, сверх всех моих должностей, архитектором Императорскаго С.-Петербургскаго университета и его учебнаго округа. — На будущий год кажется у меня будет еще более дела, не знаю в силах ли буду управиться, я нынешним летом весьма был болен и доктора полагали, что у меня чахотка, теперь я поправился, только все эти эскулапы уверяют, что у меня самое дурное разположение, и на зло им всем я ничего не чувствую.

Глинка женится на дочери однаго купца и берет чистыми деньгами кроме приданаго до 150 000 рублей. Сазонов здоров и тебе кланяется. Мейера я видаю только на улице, его дела весьма поправились, и он имеет здесь хорошия поручения. Крылов таскается по улицам и никому не платит. Свинцов[124] подает на всех прозьбы. Здесь прошел слух, что Самойла Иванович выписываются в Петербург, хотя бы с ним повидаться.

Прощай, сей час получил несколько пакетов с предписаниями о немедленном исполнении. Вот образщик моих занятий, теперь 9-ть часов утра, к обеду должен я представить два рапорта, съездить на *Каменной остров, в Гавань, в Ямскую в университет*[125], *в Публич*[ную] *библиотеку, в Департамент народ*[ного] *просвещения, в институт Патриотический*[126], в дом Трудолюбия[127]. И ето так случается почти всякой день. — Ввечеру же занимаюсь отчетами по произведенным строениям. — Будь здоров и щастлив.

Брат твой Апол. Щедрин

Письмо VIII

Санкт-Петербург, 27 декабря 1827 года (8 января 1828 года)

С.Петербург декабря 27 1827

Любезный брат! Письмо твое от 13 ноябр[я] нов[ого] ст[иля] я получил 19 декабря по ст[арому]стил[ю] и вероятно в сие же время и ты получил мое письмо, где увидишь ответы на некоторые вопросы,

на остальныя же прочтешь ниже сего. — У нас в Петербурге не так жарко и потому моя кровь не кипит, что я от тебя редко получаю письма[128]. — Ты вероятно всякой вечер бываешь свободен и можешь разполагать своим временем, а у меня с 7-ми часов утра до 12-ти часов ночи безпрестанныя занятия и такия, кои требуют большой ответственности и естьли бывают часы, что я ничего не делаю, то ето произходит именно от того, что уже слишком много дела; все, что я тебе говорю не есть игра слов, но самая истина, доказательством тому служит то, что я не могу принять на себя никакой посторонней практики, которая мне прежде гораздо более доставляла, нежели я теперь получаю, и я утешаюсь только пословицей за Богом молитва, а за Царем служба не пропадают. — Не знаю с чего взяла Марья Яковлевна, что я все влюбляюсь, со мною до сих пор еще етаго не случалось, да и некогда. — Не знаю также, что Варваре Алексеевне вздумалось, что невеста моя вышла замуж. — Марья Яковлевна верно ошиблась, спроси ее пожалуста, ето ее калмычка, которая у нее жила в Петербурге, во всех влюблялась. —

В.А.Перовский за мною еще не присылал и денег мне не давал, идти же мне к нему самому не ловко, по получении же от него денег тот час отдам их в ломбард для приращения на твое имя и тогда, естьли я и умру, то взять их никому будет нельзя. Шатилова[129] я не видал, да и не знаю его вовсе. Что заплачены за картины Львова, ты уже верно знаешь. — О кресте твоем также ты имеешь понятие, обратно я его еще не получил и думаю что не получу. Впрочем я купил другой и при первой оказии к тебе его перешлю. — Матушка тебе кланяется, она все больна, нога у нее весьма болит, она едва ходит по комнате с палочкой. — Вас[илий] Ив[анович], сестрица и все тебе кланяются и желают тебе с Новым годом новаго щастия и поздравляют тебя с прошедшим ангелом, в том числе и я.

У нас нынешний год зима безснежная, да и весьма безпутная, теперь продолжаются морозцы около 6 град[усов] — третьяго дня я ездил по казенному делу в Ораненбаум в коляске, а в санях невозможно, по большой дороге голая земля. — В последнем письме я тебе писал о встрече моей с Императором и вот что случилось после. — При посещении Государя в институтах никого не было, кроме меня; он делал мне разныя приказания, чрез день он приехал опять, и без меня именно, обратил внимание, исполнено ли то, что он мне приказал, все было как нельзя лучше, между тем он не знал с кем он говорил, только я имел щастие ему понравиться и ему чрезвычайно хотелось знать кто я. — Чрез день ввечеру у Государя был с докла-

дом статс секретарь Лонгинов, который сам пересказывает следующее: кто у тебя, спрашивает у него Государь, при институтах чиновник, славный малой, разторопной малой, мне очень понравился? Лонгинов, ничего не зная о моем свидании с Его Величеством, полагал, что ето был его секретарь *Шверин* и ответил: ето мой секретарь, Ваш[е] Вел[ичество]. — Государь был столько милостив, что целый вечер разпрашивал у Лонгинова о моем родстве, где я учился и пр., а Лонгинов все ему разказывал о своем Шверине. — Государь, думая что я действительно Шверин, говорил, что он знает брата моего в Польше и жалеет, что он в чахотке. — Наконец Лонгинов дни чрез два, открыв свою ошибку, представил особливую докладную Его Величеству, что ето был не Шверин, а Щедрин и что брат у меня не в Польше, а в чужих краях и со всем не в чахотке и пр: Хотя от сего случая я ничего и не выиграл, но все таки мне было приятно быть замеченным Его Величеством. — Недавно хотели тебя пригласить ехать в Крым[130], но Президент нам отвечал, что нельзя тебе променять Рим на Крым. Штат наш уже окончен, но еще не утвержден, в нем есть прекрасное положение для художников, находящихся в чужих краях и заслуживших себе там хорошую репутацию. — Я тебе не могу написать всего в подробности до утверждения, молись только Богу, как и все мы молимся, чтоб Штат наш состоялся. — Благодарю тебя за подарок от меня Марье Яковлевне[131], нельзя ли тебя попросить, чтоб она усовестила своего супруга заплатить мне деньги всего 1500 руб. — Весьма удивительно, он преумной и добрый человек, но есть люди, которые его за нос водят как ребенка.

Еще у меня есть прозьба, сделай что либо в албаум сестре Варвары Алексеевны[132], ты меня сим весьма много одолжишь, величина ее албаума 4 и 5 вершк[ов][133], а вершок вверху*. — Также давно ты сам обещал прислать что нибудь Петру Алексеев[ичу] Оленину[134]. Обещал ты и мне что нибудь прислать, да уж Бог с тобой, исполняй только, что ты другим обещал — разтолкуй еще от чего картины твои Львову присланы одне, где же Брюллов? — Василий Иванович имеет до тебя чрезвычайную прозьбу. Напиши ему небольшую картинку, естьли можно вид Св. Петра; что же она будет стоить, он деньги тот час положит здесь в банк для приращения на твое имя. Я исполняю прозьбу Василья Ивановича и уверен, что ты не пришлешь за деньги, а даром все будешь обещать. — Я не знаю, что мне сделать, только все ко мне приступают с прозьбами, чтоб я достал твои

---

* На полях письма обозначена мера вершка.

работы, что нибудь разумеется за деньги, и я всем обещаю, между тем как сам ничего твоей работы не имею. —

С будущаго новаго года учреждается класс для преподавания архитекторам в Академии строительнаго искусства и преподавать оное будет твой покорнейший слуга, и так я попадаю в свою сферу, достигаю того чего желал всегда, теперь должно желать, чтоб кто либо из приезжих архитекторов из чужих краев принял на себя преподавание правил для красоты в архитектуре по какой нибудь системе. Я думаю что и сие случиться может скоро. — В Петербурге заводится новое общество в пользу русских художников — несколько особ кладут часть капитала, чтоб заказывать разныя произведения по всем отраслям и по собрании оных розыграть их между собою в лоттерею. — Капитал сей будет простираться ежегодно до двадцати тысяч рублей — учреждение сего общества будет весьма полезно. — У нас также бывают безпрестанные споры, хорошо ли русские художники делают, что остаются жить в чужих краях или худо?? Одни и те же люди, спрашивая, говорят и за и против — впрочем нельзя иначе и говорить — естьли ты сам разсудишь здраво, так увидишь, что вы правы и неправы.

На Петербургской матушка прошедшее лето жила с 15 мая по 15 августа. — Елка твоя что то чахнет, а дубки славно ростут[135], от их желудков даже есть дубки выше тебя. — В проезд мой на прошедшей неделе в Ораненбаум я видел твою мамку — она очень устарела, я дал ей на разговенье, она была чрезвычайно рада узнать, что ты здоров. — Глинка было вздумал жениться и обручился, да и разобручился, видно не судьба. — Воинов[136] женился (Ив[ан] Алексан[дрович]), Токарев[137] входит в честь, Свинцов перестает писать доносы, а Крылов, избави Бог какое премудрое животное, у всех занимает деньги кого только может обмануть — твоим деньгам на Крылове ты можешь поклониться; виноват я, а боюсь что и В.А. Перовский денег не пришлет, ведь обещать легче, чем прислать. — Зная, что ты боишься конвертов, письмо мое оканчиваю на сей стороне. Прощай, желаю тебе здоровья, брат твой Апол. Щедрин

[На первой странице письма приписка на полях:] Письмо ето я получил от неизвестного и после уже узнал, что его прислал ко мне Перовский.

Письмо IX
Санкт-Петербург, 2 (14) мая 1828 года

С.Петерб: Майя 2-го дня 1828.

Письмо твое, любезный брат, от 13 марта новаго стиля я получил и принимаю с благодарностию обещание твое на щет картинок. Я буду питаться надеждою, что наконец чрез десять лет буду иметь нечто твоей работы в своем кабинете, в коем находятся следующия вещи и убранство: все рисунки покойнаго дядюшки[138], его коровка и ослик масляными красками. — Екскизы покойнаго батюшки и две его фигурки Марзияс и Ендимион[139], портрет покойнаго дяди (копия с Кипренскаго[140]) и твой, писанный тобою[141], — только не достает твоей работы. — Между прочим, я хочу купить после смерти покойного Тредера[142] оставшиеся твои две картинки *пароход и часть Петровскаго Острова*[143], естьли только недорого возьмут. Напоследок я получил письмо твое от майя месяца прошедшаго 1827 года чрез И.В. Шатилова, он давно уже в Петербурге, только не имел времени со мною видеться, он чрезвычайно занят, находясь при исправлении должности вице-директора Инспекторскаго департамента Его Имп[ераторского] Величества. Картинку просит он доставить к нему на его имя в Петербурге или лучше на мое с верною оказией или же спросить в Риме о Mr Mariotti a Florence, place Pitti dans la propre maison*, который должен многия вещи прислать в Петерб[ург] на имя полковника Ивана Васильевича Шатилова.

Поручение твое ко Львову я передал его шурину Мордвинову[144], ибо его самаго в Петербурге нет и какой будет ответ я тебя уведомлю. Перовскаго все еще нет и о деньгах слуху нет; естьли ты хочешь, то я могу сходить к Кикину и сказать ему об етом, но без согласия твоего я етаго сделать не решусь. Я весьма рад, что футляр мой служит украшением твоего кабинета и надобно признаться, что он стоит 850 руб. Оно покажется тебе дорого и точно так. Г-н Мятлев должен был мне дать 1000 руб. и подарил в етом футляре табакерку в 150 руб., стало быть остальная сумма падает на футляр, в руках твоих находящийся. Анна Алексеевна Оленина получила рисунок от тебя для ея альбаума[145] и премного тебя благодарит, только он у нее висит в рамке на стене.

---

* (*Фр.*) мистере Мариотти во Флоренции, площадь Питти, собственный дом.

Погодою мы также похвалиться не можем, апрель месяц почти весь было дождливо — теперь кажется время поправляется. Петербург опустел, все разъехались и повсюду царствует тишина. Государь император, отъезжая, приказал к зиме кончить вчерне множество огромных зданий, а именно: театр (сзади Малаго стараго театра), два большия здания сзади по проэкту Росси, — здания на 40 саж[ен] для Публичной библиотеки[146]. Государю угодно было поручить строить мне, и, представь себе, что еще по сие число мы и землю рыть не начинали, а к зиме кончить должно непременно, разве Бог поможет — три церкви и много других. — Когда тебе вздумается *посетить* Петербург, ты верно его не узнаешь, одна только наша родина Петербургская сторона остается в своем виде и все так же грязна, как и прежде. — Я не знаю писал ли я тебе, что сюда выписывают Гальберга и Орловскаго с жалованьем по 3000 руб. в год и на проезд по 1000 руб., ето кажется прекрасное для них содержание[147]. — Не знаю также известно ли тебе, что я в Академии преподаю архитекторам строительное искусство, предмет совершенно новый и еще в Ро[ссии] небывалый, и чем еще для меня приятнее, что никто его на себя не брал.

О политических делах писать тебе нечего, ибо ето не наше дело, а как побьют порядочно турок, да возьмут с них поболее денег, так и мы порадуемся[148]. — У нас новый министр народ[ного] просвещения князь Ливен[149], весьма добрый человек, говорят все, и слава Богу! В Академии новостей никаких нет, старики наши подбираются, Иван Прокофьевич умер[150]. — Матушка нынешнее лето не будет жить на даче, а остается со мною в городе, ибо я по моим занятиям никак не могу так далеко отлучаться; Василий Иванович, сестрица и все тебе кланяются. — Последняя из наших племянниц Аннушка умерла 4-х [месяцев?] и за тем в остатке 7 — на лицо же 5[151]. Дай Бог и этих выростить. — Тебе кланяется весьма Илья Бакунин[152]. Я случайно с ним познакомился по одному казенному делу, теперь его здесь нет, он в походе. — Глинка, как говорят, поссорился с Монфераном и потерял место, которое ему доставляло в год 4000 руб. — Здесь проявилась лекарка, которая вылечивает заик и одного из моих приятелей она вылечила — теперь лечится у нее Алек[сандр] Христ[офорович] Востоков, он уже меньше заикается и она надеется его вылечить — она обязывает подпиской не сказывать каким образом она лечит. — Прощай, пора перестать писать, пожалуй можно страницу перевернуть, да надобно будет делать особой конверт — да

и писать такая же лень как и тебе слушать про письмо посланное с Шатиловым — Почитающий тебя брат Аполлон

Письмо X
Санкт-Петербург, 1 (13) июня 1828 года

Июня 1 — 1828

Письмо твое, любезный брат, из Пуцола[153] от 6:м[ая] н[ового] с[тиля]я получил исправно 28 мая с[тарого] с[тиля] и тот час принялся хлопотать по твоему делу, но ни в чем не успел. — В.А. Перовский в армии, П.А. Кикин в Москве, я был у брата В.А. — Льва Алекс[еевича] Перовскаго[154], который мне объявил, что никакого поручения от брата своего не имеет и не может решить что делать с оконченными картинами, но думает лучше их покуда оставить в Риме, естьли же нужны деньги, то он может их здесь отпустить. — Потом я просил г. Григоровича, который ведет с Кикиным переписку, написать ему также о твоем письме, и по получении какого либо ответа я не премину тебя тот час уведомить. — Боюсь согрешить, я нашим господам ни в чем не верю и мне кажется, что они тебя также обманут, заказать то легко, а деньги выдать жаль. — Варв[ара] Алекс[еевна] Оленина писала к своему батюшке о всех наших художниках, сказала, между прочим, что все наши руские имеют теперь какое либо поощрение, один только бедный Щедрин трудится и никто об нем вспомнить не хочет; почему, говорит она, не заказать ему целую колекцию видов, и просила Алексея Николаевича об етом постараться, и он мне ето обещал...* Только трудно, чтоб что нибудь здесь сделалось без особенных побудительных причин или протекций. — Не знаю, каково у Вас время, а у нас прескверное, все дожди и ветры, в прочем начало майя было довольно хорошо, а как я на даче не живу и не пользуюсь совершенно летним временем, то для меня совершенно все равно на щет погоды. Жаль только, что дожди мешают нам производить работы.

Мы здесь безпрестанно ожидаем известия, что наши побьют турок, иногда услышишь, что палят пушки и обрадуешся, ан выдет на поверку, что пробуют орудия. — В Петербурге у нас весьма пусто, все разъехались кой куда. — Здесь проявилось нынешнее лето

---

* Отточие А.Ф. Щедрина.

такое множество комаров, что ни в городе, ни на даче житья нет, никто не помнит даже из стариков, чтоб когда либо было их так много. —

Мы очень рады, что ты виделся с Яненко[155], он очень доброй малой, хотя и не знает для чего именно путешествует, оставя жену на попечении родных — впрочем он к нам очень привязан и нас любит. — Напиши пожалуста подчивал ли ты его чем нибудь по рускому обыкновению, он ето очень любит.

Академических новостей никаких мы не имеем, можно только почти сказать, что граф Толстой (медалиер) будет вице-президентом у нас в Академии по повелению Государя[156]. — Штат наш еще не утвержден и даже не разсмотрен. — Воробьев третьяго дня по воле Государя отправился во Вторую армию в Измаил для снятия разных видов, и ему приказано выдать на покойную коляску 5000 рублей; его потребовали туда с такою поспешностию, что он почти образумиться не успел, как очутился в коляске. — Матушка, сестрица и Василий Иванович тебе кланяются со всеми своими домочадцами и желают здравия. — Матушка только все нездорова. —

Картинку для Монферана ты можешь по просьбе Василия Ивановича прислать какую хочешь, только небольшую. На щет Шатилова картин, ты я думаю уже получил от меня известие. — Курьеры от вас более уже не ездят в Петербург, а прямо в армию, и потому пересылки теперь затруднительны. — Ты описывал поездку свою в Пуцоло, напиши мне пожалуста видел ли Собачью пещеру[157] и что ты об ней думаешь, *только не подходи близко*, мне по некоторому случаю весьма любопытно ето знать.

Отправив к тебе сие письмо, я буду ждать от тебя на оное ответа, а до тех пор, хотя бы сто писем от тебя получил, ни на одно отвечать не стану — ибо письма наши ходят в разницу и безпорядочно. — Еще забыл тебе сказать, в Духов день у нас был у обедни новый министр просвещения князь Ливен и после обедни завтракал. — Вот все что вздумалось писать, из всего етаго маранья только любопытны для тебя пять строчек, но ты сам просил немедленно тебе отвечать, хотя ответ и неудовлетворителен. —

По отъезде С.И. Галберга уведомь на чье имя адресовывать к тебе письма — затем остаюсь любящий твой брат Аполлон

Письмо XI

Санкт-Петербург, 24 октября (5 ноября) 1828 года

Молчание твое, любезный брат, нас всех крайне сокрушает и что хуже всего, что никто из твоих товарищей вояжа ничего не пишет. — Я не хотел было к тебе писать, пока не получу ответа на прежнее мое письмо, но видно мне сего не дождаться. — Матушка крайне сокрушается, и бог знает какия ей приходят об тебе мысли. — Здесь говорят, что Галберг и Орловский едут в Россию, но они также ничего не пишут и мы все только друг друга спрашиваем, нет ли известий..?* Впрочем, не дожидаясь от тебя ответа, я бы давно тебе писал, но сериозно был очень занят; кроме всех работ в Петербурге я по должности должен был ездить каждую неделю в Кронштадт. — В Петербурге нынешнее лето построили новый театр в 15 саж[ен] вышин[ой] (сзади малаго театра), два большия флигеля в 10 саж[ен] выш[иной] и новое строение для Библиотеки в пандан Аничковскому дворцу[158], сие последнее Императору угодно было поручить мне. — По приезде Его Величества из армии в Петербург 14 октября все было уже окончено. Он был доволен и приказал выдать всем рабочим бывшим в тот день на работе каждому по одному рублю.

На щет твоих картин я уже тебе писал, что ни Перовскаго, ни Кикина в Петербурге нет и до сих пор. — Перовский ранен и думают скоро приедет в Петербург, он уже генерал и контр-адмирал с лентой и шпагой за храбрость. — Он действительно весьма отличился при осаде Анапы[159].

В Академии у нас новостей никаких нет. Собрания еще в сем году не было. Старики наши профессора помаленьку примирают, на днях умер С.С. Щукин[160]. У нас есть вице-президент, кажется я тебе писал, ето граф Ф.П. Толстой[161]. — Ермолаев[162] также умер; не знаю дойдет ли к тебе ето письмо, ибо в нерешимости писать адрес на чье имя. Я на удачу пишу на твое. Прощай. Матушка и все родные тебе кланяются и желают здоровья.

Любящий и почитающий тебя Аполлон

С.-Петербург. Октября 24 д. 1828

---

* Отточие А.Ф. Щедрина.

Письмо XII
Санкт-Петербург, 8 (20) декабря 1828 года

декабря 8-го 1828

Спешу уведомить тебя, любезный брат, что В.А. Перовский приехал в Петербург уже генералом, я пришел к нему на другой день, и он тотчас мне выдал 3000 рублей, половину тех денег, кои он должен тебе за картины, а другую должен будет заплатить Кикин, деньги ети по желанию твоему доселе у меня, и ты получишь их по первому требованию; впрочем, естьли желаешь, то и сей час можно их к тебе послать. Васи[лий] Алексеевич просил тебя уверить, что он никак об тебе не забывает, и напоминает твое обещание чтоб присылать к нему все, что только у тебя будет сделано не по заказу, за что он тебе будет платить особо, картины же готовые просит он прислать в Петербург на мое имя, а я уже буду ему их доставлять. Он тебя очень любит и мне пред ним весьма совестно было, что я тебе писал о продаже картин кому либо другому.

Матушка все нездорова, впрочем все мы в добром здоровьи. У меня только делов куча. Матушка с нетерпением ожидает Галберга, чтоб иметь об тебе вести. Варв[ара] Алекс[еевна] Оленина в Москве (она еще не родила), просит, чтоб ты ее не забывал, потому что она весьма тебя почитает. Письмо я тебе ето пишу на бегах и боюсь, что пропущу почту, адресую ето письмо я наугад[163], ибо не знаю с отъезда Гальберга к кому адресовывать. Прощай, отвечай с первой почтой.

Любящий брат твой Аполлон

Письмо XIII
Санкт-Петербург, 29 июня (11 июля) 1829 года

С.Петербург 29 июня 18(29)

Я так виноват пред тобою, любезный брат, как нельзя более, причиною тому множество обстоятельств и главное то, что я женился, жена моя, дочь полковника Лебедникова Екатерина Ивановна[164] и из числа Кусовскаго стада, ибо мать ее дочь покойнаго Кусова, но при етом имени не подумай, что жена моя богата, совсем нет, Кусовы теперь не то, что были. — Тебе странно покажется, что я тебя не

уведомил о сем прежде свадьбы, но ето так внезапно случилось, как будто бы во сне. Теперь я живу с женою на даче, матушка же осталась в Академии с сестрицей, ибо она не согласилась с нами переехать, как можно полагать, от суеверия или примет, по причине произведенных мною в нашем доме некоторых перестроек. — Здоровье ее весьма слабо, она едва может пройти по комнате, часто об тебе вспоминает и плачет, а что пуще ее безпокоит, что ты не прислал ей денег, в которых она нужды не имеет, Яненко же ей сообщил, что ты сказал на его слова о деньгах, что ты предоставил уже ей получить с Крылова (а propos* Крылов безпрестанно сидит в тюрьме). На етот щет я часто с нею говорю и спрашиваю: на что Вам деньги? Она отвечает «Я купила то, купила другое». Ну, естьли Вы купили, Вам более не нужно; да так, она отвечает, но мне хочется от него, и тем окончивается наше прение.

В Академии большия новости и можно сказать сделалась *Епоха* — Государь император посетил Академию. Он приехал прямо в мастерскую к Воробьеву, который писал для Его величества картину взрыв Варны (он был с Государем в походе), потом ему угодно было пройти по классам и спальням. Он нашел, что все несколько обветшало и запущено и в свидании своем с министром просвещения сказал, что Академию надобно повымыть — и вследствие того последовал указ, чтоб Академия по силе своей привиллегии состояла под непосредственным Его величества велением и потому относить ея к министру Императорскаго двора[165]. — Перемена ета само собой разумеется к лучшему. — К[нязь] Волконский[166] был у нас и решено на первый раз устроить новую конференц-залу, что и поручено Тону[167], который имел множество неприятностей по сему делу от А.А. Михайлова[168], но ето все кончено, и Тон приступил к делу весьма хитрому.—

Орловский здесь в Петербурге имеет лучший успех, нежели Галберг, ему уже сделано поручение[169] и весь капитал отдан вперед; между тем как Галберг делает все экскизы, ему приготовляют теперь квартиру у нас в Академии, при последнем моем с ним свидании он мне сказывал, что послал к тебе письмо, стало быть не за что его бранить. Письма твои доставлены Василью Алексеевичу Перовскому; но как я не получил от него ответа, которого столько ждал, то и просил Сам[ойлу] Ив[ановича] с ним об етом переговорить, он с ним часто видается. — Григорий Никанор[ович] и Варвара Алексеевна

---

* (*Фр.*) между прочим.

Оленины приехали в нынешнем месяце в Петербург из Москвы, в коротких с нею свиданиях она мне много об тебе сообщила и обещала еще более, между тем дает тебе совет, чтоб не наживать себе неприятелей между дамами вояжирующими для разных причин, по крайней мере отплачивать им акуратно визиты, а то случится также, как с тою красавицею, от которой ты бегал и ушел однажды чрез спальню Варв[ары] Алексеев[ны] — разказы ея ныне должны прерваться, у нее умерла опять дочька, которою они так восхищались и вчера похоронили — жаль даже на них смотреть и на молодых Олениных. Варвара Алексеевна мне, между прочим, намекнула, что она имеет какой то полезный для тебя проэкт вместе с какою то особою и который надеются исполнить. Ето весьма хорошо, даже естьли и не сделают, то можно будет благодарить за доброе намерение. — Слухи, что ты не возвратишься и здесь весьма носятся, но кажется ето не может иметь дурных последствий, ибо Вас[илий] Алекс[еевич] Перовс[кий], которому Император благоволит, к тебе разположен и сам мне сказывал, что тебе не должно торопиться возвращением, сделай только милость пришли ему картины. — Кикин как будто позабыл о тебе и Вас. Алекс. мне говорил что он рад будет один принять на себя все условие, котораго он исполнил уже половину. — Недавно на меня перевели долг и требовали уплаты, но я отвечал, что сего не исполню не списавшись с тобою — А.Н. Львов, пред отъездом своим из Петербурга заехал ко мне и просил отдать А.А.Михайлову 200 руб., которые ты ему остался должен. — Тебе надобно теперь разрешить платить или не платить. В Академии еще есть новость, Григорович сделан конференц-секретарем. — Штат академический кончен и представлен уже князю Волконскому. В нем сказывают есть хорошия привилегии для вас гг. вояжеров. — Сазонова в одном из журналов выхвалили за портреты, а в другом так разругали, что не приведи Бог. Глинке поручено было перестроить или, лучше сказать, вновь построить лютеранскую церковь, но за деньгами стала остановка. Два последния твои письма я получил, первое с графин[ей] Самойлово[й][170], а второе доставлено от кн. Софьи Григорьевн[ы] Волконск[ой][171] к А.Н. Оленину; очень рад, что великая княгиня заказала тебе картины[172], и хорошо сделаешь, естьли пришлешь Государю также пандан Колисею[173], ибо Его величество очень внимателен к хорошим художникам, а об тебе как будто не слышно *при дворе*. Жаль очень, что ты пожелтел[174], только в таком случае шутить, говорят, не должно, ибо желчь может иметь дурныя последствия, лучше один раз решиться и выгнать навсегда. — Здесь

художники живут все врозь и потому мы с Галбергом не часто видимся. В Петербурге множество строений и, между прочим, будет строиться Сенат на том же месте по проэкту Росси[175], старый уже сломан, а чрез три года предстоит мне большое производство, перестроить 12 коллегий для Университета[176] и Педагогическаго института, теперь в них на время помещается Сенат, а я между тем буду составлять проэкт. — Кроме безпрестанных занятий и женитьбы со мною новаго ничего не произходило, я получил небольшой подарок от Государя. — Министр народ[ного] просвещ[ения] кн. Ливен ко мне разположен: но из етаго ничего не выдет. — Нельзя ли вашим нищим подавать, как у нас на Петербургской стороне, кусок хлеба вместо денег, впрочем я думаю у вас хлеба в доме не держат и для обеда; а сам виноват, не ты ли приказывал их сбирать к себе, чтоб писать с них портреты, теперь и разделывайся. — Мы часто получаем хорошия известия из армии, которыя и ты, вероятно, читаешь; к 15 же июля мы ожидаем прибытия Государя императора в Петербург, а вдруг все оживится, а то теперь мы живем в дремоте. — Кроме матушки мы все здоровы, у Вас[илия] Иванов[ича] только была рожа на глазу, теперь проходит, дети их все выросли, так что ты бы и не узнал, впрочем ты их и без того не знал. — Жена моя тебе кланяется и просит ее полюбить заочно, а в следующий раз она сама тебе будет писать. — Прощай, будь здоров, у вас часто бывают случаи посылать письма с курьерами, а у нас и не слыхать, а потому ето идет по почте. — Остаюсь любящий тебя брат Апол. Щедрин

Письмо XIV
Санкт-Петербург, 1 (13) июля 1830 года

1 июля 1830 г. С.Петербург

Любезный брат! Твои письма и безпрестанно доходящие до меня слухи о твоем здоровьи, а особливо полученныя мною 30 июня известия[177], привели меня в такое состояние, что я совершенно потерялся. Я не знаю как дорого заплатил бы я, естьли б ето письмо скорее долетело. Болезнь твоя конечно не опасна, но она может впоследствии сделаться таковой, естьли ета желчь долго тебя не оставит и естьли ты не предпримешь деятельных мер к ея истреблению; но в климате тобою теперь обитаемом излечение твое невозможно, ты сам в етом можешь удостовериться. Варвара Алексеевна и муж ея

ето также подтверждают. Что пользы тебе жить в хорошем климате, когда ты им не наслаждаешься. Работа твоя вся остановилась и ты не видишь всему етому конца. Матушке же я не смею даже и говорить, что ты нездоров, ибо жизнь ея не может долго продолжиться, по болезненным припадкам, кои безпрестанно не уменьшаются, но увеличиваются. Я и мы все тебя просим и умоляем, оставь хоть на время чужие края, приезжай на Север, ето есть самое верное средство к востановлению твоего здоровья. Ты в етом совете не можешь меня подозревать; ибо я первый, который тебе никогда не советывал возвращаться и теперь бы того не сделал, естьли б собственная твоя польза того не требовала. Заказныя твои работы могут там остаться и те же лица, кои тебе заказали с удовольствием дадут тебе после на проезд для окончания начатаго дела. Один проезд будет тебе стоить, и в том, впротчем, тебе помогут. Здесь, у нас, ты нужды иметь не будешь хотя б и вовсе пожелал остаться. Я весьма сомневаюсь, чтоб ты исполнил мою прозьбу из сожаления к себе; но пожалей нас, побереги себя для нас, не будь в етом случае егоистом — здоровье всего дороже — для болезни твоей и разсеяние необходимо нужно и нигде ты его не можешь иметь столько, как между родными и знакомыми весьма близкими. Естьли желчь твоя не уменьшилась и естьли мелькнет в тебе желание принять мой совет, не откладывай. Со слезами начал я к тебе сие письмо и теперь мне стало легче, когда я как будто бы несколько исполнил желание моего сердца. Софья Григорьевна Волконская теперь здесь, чрез нее можно обделать, как нельзя лучше, приезд твой сюда и обратно в Неаполь для окончания картин, а особливо по заказу Государя императора.

Сего дня гулянье в Петергофе, все там, а мы о женою домоседы. Никаким новостям в сегодняшнем письме моем места нет, ибо я спешу отправить его на почту, хотя от етаго оно скорее никак не приедет. Прощай, дай бог тебе здоровья, все тебе кланяются и повторяют мою прозьбу, брат твой Аполлон Щедрин

И я, по праву родства, любезнейший братец, с тою же самой прозьбой к вам*, не будьте упрямы, успокойте нас всех, приезжайте хожь на короткое время на излечение вашей болезни; мой Поличька совсем разстроен, слыша, что вы все нездоровы, и для меня это весьма больно видеть его в этом положении потому, что он сам не

* Фрагмент, начинающийся словами «И я, по праву родства», написан Екатериной Ивановной, женой Аполлона.

очень крепкаго сложения. Матушка же не ежедневно, а ежеминутно о вас вспоминает, что она дорого дорого бы дала вас видеть хожь одну минуту, и мы все вас просим не для нашего единственнаго желания, но для вашей собственной пользы приехать в Петербург на время; — когда дойдут до меня любезныя строки ваши, в которых вы напишите, да, я согласен, хорошо, я буду, даю обещание ехать в Казанскую отслужить *Божией Матери** молебен. Я не мало и не сумневаюсь в вашей привязанности к родным, вы, верно, исполните общее прошение; — Мы сегоднишний день намерены с Поличькой провести скромно, тихо, далеко от шуму; сегодня день рождения Александры Феодоровны[178], и в Петергофе назначено большое гулянье, там пруской принц с своей супругой и шведской наследной принц, большая будет люминация и фейерверк. Василий Иванович с Елизаветой Феодосеевной поехали туда, желаю им веселиться. Последнее ваше письмо читала с большим удовольствием, в котором вы мне пишите[179] как проводите время, хотелось бы мне вам отвечать на ваше приятное письмо, да Полюша торопит отослать письмо на почту, оставлю уже до другого разу. Я думаю вы ничего не поймете, что я пишу и так гадко царапаю, да еще и тороплюсь. Целую вас, любезнейший братец, нещетно раз.

Сестра и друг ваш К: Щедрина

Письмо XV

Санкт-Петербург, 30 сентября (12 октября) 1830 года

С.Петербург. Сентября 30-го 1830.

Письмо твое ко мне без означения месяца, числа и места, от куда написано, к совершенной нашей радости получено сентября 25 дня; но мы уже знали о состоянии твоего здоровья из письма твоего к Самойлу Ивановичу — благодарю бога и за то, что ты получил по крайней мере облегчение, но прошу тебя не неглежируй** лечением, покуда ты на водах, дабы болезнь твоя уже навсегда могла искорениться. — Желание наше видеть тебя с нами и здоровым беспредельно — тебе стоит только написать, что ты желаешь для своего возвращения и я всеми силами постараюсь то исполнить. — Жало-

---

* Курсивом выделены слова, в подлиннике подчеркнутые Е.И. Щедриной.
** Неглижировать — пренебрегать (от *лат.* negligere).

ванье 3000 руб. ты получишь без всякаго сомнения, ибо ето почти так положено приезжающим — естьли тебе нужен кредит, то напиши как он может быть велик и ето дело возможное. — Решительно тебе скажу, естьлиб ты даже и не получил здесь никакого жалованья и места, чего быть никак не может, то дом родных для тебя всегда и навсегда открыт. — Расстояние между нами велико и нельзя свободно и часто передавать свои мысли и желания, а то бы ты мог более удостовериться в нашем родственном к тебе расположении — даже новая твоя родственница, не видавшая тебя никогда жена моя, беспрестанно повторяет, *ах! Естьлиб брат приехал поскорее!* Но легко может статься тебе покажется скучно с нами (не возражай!), в отвращение сего беру смелость тебе советовать *жениться* — естьли тебе не нравятся итальянки, женись на швейцарке, на немке, лишь бы по сердцу тебе пришла и любила бы тебя и берегла, право тебе очень хорошо приехать к нам женатому, без хлопот, так думаю не я один, но даже и ты, как тебя знали за границею. С.Г. Волконская уверяет, что тебе нельзя приехать иначе, как окончивши картину для Государя императора, ето хочется и должно, только естьли здоровье твое позволит, в противном случае Его величество дозволит тебе написать для него картину и здесь. Впрочем, ты сам лучше можешь все ето сообразить и рассудить, только б бог дал тебе здоровья.

В Академии ныне у нас выставка художественных произведений и оканчивается 1-го октября, т: е: завтра. — Работ весьма много[180], ими заняты вся Третья линия и Циркуль. — В особенности занимают всех картины Воробьева — взрыв Варны, турецкой крепости — и вид того корабля, который вытерпел в Черном море ужасную бурю и на коем тогда находился Государь[181] — небольшое произведение из Священ[ной] истории Егорова[182] — и мальчики, играющие с Сатиром, многим нравятся и не нравятся — внутренний вид комнат графа Толстаго, писанный им самим, ето первый опыт его в живописи[183] — ета картинка написана маслеными красками миниатюрным манером, привлекает к себе всех зрителей и в самом деле надобно отдать справедливость, перспектива изображена верно и довольно живо. — Портрет графа Вильгурскаго писанный Карл[ом] Брюлло[184] поражает — но Варник[185] говорит, что ето портрет прескверной — естьли отнять бакан и лазурь — и рука, которою держит смычок, коротка — что касается до руки, то ето правда, а так как бакану и лазури отнять нельзя, то и портрет по моему остается очень хорош. — Картины (копии) Брюлло и Басина[186] останавливают знатоков, но большая часть проходят мимо, как и по античной галерее. — Порт-

рет сидячий в натуру, Яненко написал очень ловко, а портрет Уткина, им же писанный, не весьма удачен. — Также много похвалы заслуживают картины инженер-полковника Сапожникова[187] и Сухиха[188]. — Много также внутренностей дворцовых и протчих, писанных учениками Венецианова[189] очень хорошо — етот род ныне в моде[190] — между сими перспективами весьма хороша, сделанная водяными красками, Ив[ана] Алекс[еевича] Иванова[191]. — Ученические произведения не весьма удачны, да их очень и мало. — Две картины, изображающие Сократа в темнице, — Маркова и Нотбека довольно хороши, только Маркова кажется лучше[192]. — Множество портретов, довольно изрядных и довольно плохих. — Есть ландшафт Рабуса. — Мартос выставил две колоссальные статуи, кои будут отлиты, изображаю[щие] покойного императора Александра и князя Потемкина, весьма неудачные его произведения, а особливо Потемкина[193]. — С.И. Гольберга — мальчик, выдувающий пузыри, бюсты, 2 Перовскаго, баснописца Крылова и Италинскаго[194] — Орловского два ескиза монументам Барклаю де Толли и Кутузову и колосальный бюст императора Александра[195] — Пименова[196] бюст императора Николая I и императрицы Александры Феодоровны. — Александр Тон, прибывший сюда с месяц (он тотчас начал получать по 3000 р. и жалуется, что мало, ибо говорит, что имел до отъезда за границу 15 000 в год) — выставил несколько литографий и проектов архитектур. — Конст. Тон отделал в Академии два зала, бывшую конференции и ротонду для новой конференции, и выставил своюресторацию*. — Алексан[др] Брюлло выставил инвалидный дом. — Во все продолжение выставки народу было множество.

— Государь и великий князь Михаил, а после и императрица, удостоили Академию своим посещением. — Государь был очень доволен, говорил со всеми художниками — взял произведения, кои более заслужили его внимания, а именно — мальчика мраморнаго С.И. Голберга — перспективу Иванова, две небольшия картинки цветов — и опыты на стекле Федора Брюлло[197] — и обещал еще раз приехать и, вероятно бы, еще посетил Академию, но изволил отправиться в Москву.

Между прочим, позволь тебе заметить, что ты весьма состарил[ся] и сделался дедушка. — Лизинька[198] родила дочь Елисавету в сентябре. — Матушка опять начала хуже себя чувствовать и ночью не может спать от стеснения в груди. — В[асилий] Иван[ович] и

---

* Реставрацию (см. коммент. 46).

Елизавета Федосеевна здоровы, только два сына ее Иван и Владимир были в горячке, но теперь поправляются. — Жена моя, слава богу здорова, и может быть в тот самый день, в который ты получишь письмо мое, я сделаюсь отцем, естьли то Богу угодно будет. — Прощай, еще раз прошу т[ебя]* не неглижировать твоим здоровьем, лучше уж за один раз потерпеть, но только навсегда избавиться от етой несносной желчи.

Я думаю, у вас Бог знает что рассказывают про *холеру морбус*, но, благодаря Всевышнему, премудрым распоряжением Государя в тех местах, где она свирепствовала, или уж вовсе прекратилась или прекращается, а чтоб не распространялась дальше приняты надежные и верные меры. — В.А. Глинка чрез месяц, я думаю, женится, чего он ждет с нетерпением. — С[амойла] Иванов[ич] Голб[ерг] переезжает в новую квартиру внутрь самой Академии, где прежде жили г.г. Михайловы. Крылов имеет теперь довольно работы и, между прочим, из одной библиотеки на 6000 руб., а как он сии деньги будет получать чрез меня, то я и намерен сделать у него вычет. — Жена моя извиняется, что к тебе не пишет, но чрез месяц обещается прислать к тебе много новостей.

Брат твой Аполлон Щед[рин]

[Пометы (л.2 об.): 1. Адрес, на фр. яз.:] мосье Щедрину, пенсионеру Императорской Академии художеств в С.-Петербурге, Неаполь, Посольство Российской империи. [2. Штамп неаполитанской почты:] 8 nov. 1830[199].

---

* Обрыв листа.

КОММЕНТАРИЙ

Об Аполлоне Щедрине и его письмах в Италию

1 Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования / Под ред. и с примеч. П.Н.Петрова: В 3-х ч. СПб., 1864—1866. Ч.I (1758—1811). С.570. (Далее: *П.Н.Петров. Сборник материалов.*)

2 Там же. Ч.II (1811—1843). С.9.

3 Там же. С.53.

4 Там же. С. 76, 89, 124.

5 Там же. С.123.

6 Там же. С.118.

7 Там же. С.169.

8 Там же. С.172.

9 *Сильвестр Щедрин. Письма из Италии* / Вступ. статья, ред. и примеч. Абрама Эфроса. М.; Л., 1932. (Памятники искусства и художественного быта / Под общей ред. А.В. Луначарского, при ближайшем сотрудничестве А.М. Эфроса.) С.296. (Далее: *Сильвестр Щедрин. Письма из Италии*).

10 *П.Н.Петров. Сборник материалов.* Ч.II. С.375. Ч.III. С.43.

11 Там же. Ч.II. С.302.

12 Там же. С.362.

13 *Сильвестр Щедрин. Письма из Италии.* С.296, 371—374, 377, 380, 381, 383, 393—395.

14 *Ацаркина Э.Н.* Сильвестр Щедрин: 1791—1830. М., 1978. С.92, 93, 179 и др.

15 Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее: ОПИ ГИМ), ф.457, оп. I, д.29, л.56.

16 Там же, л.69.

17 Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (далее: ОР ГТГ), ф.58, д.3, л.1.

Письмо I. **Санкт-Петербург, 25 декабря 1825 года (6 января 1826 года).** ОПИ ГИМ, ф.457, оп.1, д.29, л.145—146 с об. Подлинник.

18 «Давно я к тебе не писал...» Данное письмо является наиболее ранним из известных нам писем А.Ф. Щедрина к брату Сильвестру. Предшествующее ему, которое С.Ф. Щедрин упоминает в письме к Аполлону от 1 сентября (20 августа) 1825 г., было получено адресатом в июле–августе (а отправлено, значит, в июне–июле), т.е. за несколько месяцев до настоящего послания, что вполне объясняет комментируемые слова Аполлона.

19 «Мы призываем всех наших верных подданных... следовать примеру оплакиваемого нами Государя; да будет царствование наше токмо продолжением царствования Его, и да исполнится все, чего для блага России желал тот, коего священная память будет питать в нас и ревность и надежду, стяжать благословение Божие и любовь народов Наших». — 1825, декабря 12. Манифест «О вступлении на престол Государя Императора Николая Павловича». (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т.I. 12 декабря 1825—1827. От №1 до № 799. СПб., 1830. С.3.)

20 «Твой приятель г. Перовской...» — Василий Алексеевич Перовский (1795—1857), внебрачный сын графа Алексея Кирилловича Разумовского. Воспитанник Московского университета. Участник войны 1812 года, ранен при Бородине; взят в плен французами, освобожден при взятии Парижа русской армией. В 1816 и 1817 гг. сопровождал великого князя Николая Павловича в путешествии по России и за границей. С 1818 г. его адъютант. С 1819 г. полковник гвардии. Был знаком с А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским. В 1822—1824 гг. жил в Италии, где познакомился с Сильвестром Щедриным; высоко ценил его пейзажную живопись. 14 декабря 1825 г. был с Николаем I на Сенатской площади, получил травму спины от удара поленом из толпы.

В дальнейшем: генерал-адъютант, граф, оренбургский генерал-губернатор, член Государственного совета и проч.

21 Нарышкина Мария Яковлевна (1789—1854), урожденная княжна Лобанова-Ростовская, замужем за гофмаршалом князем Кириллом Александровичем Нарышкиным. Близкая знакомая семейства Щедриных. В 1820-е годы не раз ездила в Италию, где виделась с Сильвестром Щедриным. Член Общества поощрения художников.

22 Алексей Николаевич Бахметьев (1774—1841) — генерал, участник Бородинского сражения; в разное время генерал-губернатор нескольких губерний России (в том числе Нижегородской, Симбирской и др.)

23 «Президент наш» — Алексей Николаевич Оленин (1763—1843), президент Императорской С.-Петербургской Академии художеств, писатель, художник, археолог, статс-секретарь и член Государственного совета, директор Императорской Публичной библиотеки и др.

24 «В Эрмитаже, в русской галерее». — «Галерея художественных произведений русской школы» («Галерея русской живописи», «Русский отдел Эрмитажа») учреждена при Императорском Эрмитаже в середине 1825 г. Просуществовала до открытия Русского музея императора Александра III (1898 г.), куда перешла вся коллекция живописи галереи.

История галереи не написана. С уверенностью можно говорить лишь, что в 1825 г. в ее составе был «Колизей» С.Ф. Щедрина (1822).

25 В письме из Неаполя от 1 сентября 1825 г. Сильвестр Щедрин просил Аполлона узнать, может ли он баллотироваться в академики работой, присланной из Италии и может ли участвовать в конкурсе на академическую премию.

26 Александра Дмитриевна Владек (Влодек) — урожденная графиня Толстая (1788, по другим сведениям 1785—1847), жена генерал-адъютанта, генерала от кавалерии Михаила Федоровича Владек (1780—1849), заказчица Сильвестра Щедрина.

27 «Дюк Серо Каприоло» — возможно кто-то из родственников герцога Антуана Мареска ди Серра-Каприола (1750—1822), посланника Королевства обеих Сицилий в Петербурге в 1782—1807 и 1814—1822 гг.

28 «Другой портрет» — портрет отца, за который Сильвестр благодарил Аполлона в письме из Неаполя от 1 сентября 1825 г.: «В Соренте я получил твое писмо с портретом батюшки, чем доставил мне большое удовольствие. Для меня также приятно б было иметь портрет матушки, попроси кого-нибудь нарисовать в меру писма», — писал он брату.

29 Василий Иванович Григорович (1792—1865) — художественный критик, издатель «Журнала изящных искусств». Журнал выходил в 1823 (6 номеров) и 1825 (3 номера) годах. Поскольку последний номер журнала вышел в ноябре 1825 года, то обещанию Григоровича, о котором пишет Аполлон, не суждено было сбыться.

30 Александр Иванович Остерман-Толстой (1770—1857), граф, генерал. Участник русско-турецкой войны 1787—1791 гг., Отечественной войны 1812 г., кампаний 1813—1814 гг. В сражении под Кульмом потерял левую руку. В 1817 г. вышел в отставку, после чего жил, главным образом, в Италии.

«Статуя Остермана» («А.И.Остерман-Толстой, раненный при Кульме») закончена С.И. Гальбергом в 1822 г. (Ныне — в Государственном историческом музее, Москва.)

31 «Самойла Иванович» — С.И. Гальберг (1787—1839), скульптор, друг семейства Щедриных, в 1818—1828 гг. жил в Италии (главным образом в Риме). Ближайший приятель Сильвестра Щедрина, его неизменный адресат и корреспондент.

32 Иван Петрович Мартос (1754—1835) — выдающийся русский скульптор, профессор, ректор Академии художеств, учитель С.И. Гальберга.

33 Кирилл Александрович Нарышкин (1786—1838) — гофмаршал, действительный камергер, член Государственного совета, кавалер разных орденов, член Общества поощрения художников.

[34] Еще до отъезда в Италию Сильвестр Щедрин посадил на семейной мызе (на Петроградской стороне Петербурга) несколько дубов, которые время от времени вспоминает Аполлон.

[35] Филипсон — художник, выпускник пейзажного класса Петербургской Академии художеств. Избран Советом Академии в назначенные на том же заседании 1 сентября 1811 г., когда Сильвестр Щедрин был удостоен золотой медали по программе «Приморский город, или селение вдали, а на переднем плане изображающей стадо рогатого скота» (*П.Н.Петров. Сборник материалов.* Ч.I. С.563—564).

[36] Тимофей Алексеевич Васильев (1783—1838) — художник, выпускник пейзажного класса (1803). Закончил Академию с малой золотой медалью и аттестатом I степени. С 1807 г. академик. С 1815 г. советник. С 1818 по 1824 гг. инспектор Академии. Подробности отставки Т.А. Васильева в 1824 г. рассказал Ф.И. Иордан (См.: Записки ректора и профессора Академии художеств Федора Ивановича Иордана. М., 1918. С.22—25). К ландшафтному классу Т.А. Васильев, похоже, так и не определился.

[37] Мать Сильвестра и Аполлона Щедриных — Мария Петровна Щедрина (1756—1834), урожденная Пеше (Пешо).

[38] День ангела Сильвестра — 2 (15) января.

[39] Старик крестный — Григорий Васильевич Плуталов (1737—1827), генерал-лейтенант, комендант Шлиссельбургской крепости при Павле I и Александре I.

[40] Константин Ильич Васильев (1785—1835) — действительный статский советник, кавалер разных орденов, полицмейстер Петроградской стороны — зять, Матрена Григорьевна — дочь генерал-лейтенанта Григория Васильевича Плуталова, крестного Сильвестра Щедрина.

[41] Петр Иванович Мартос (1794—1856) — сын И.П. Мартоса, армейский офицер. Настасья Ивановна — неустановленное лицо.

[42] Василий Алексеевич Глинка (1790—1831) — архитектор, приятель Сильвестра Щедрина. Учился в Академии художеств в одно время с ним. Вместе с ним поехал пенсионером Академии в Италию. Вернулся в Россию в 1824 г.

[43] Василий Кондратьевич Сазонов (1789—1870) — художник, исторический живописец. Крепостной графа Н.П. Румянцева (до 1810 г.). В 1804—1815 гг. учился в Академии художеств. В 1818—1824 гг. пенсионер Н.П. Румянцева в Италии, куда поехал вместе с Сильвестром Щедриным и другими академическими пенсионерами.

[44] Михаил Григорьевич Крылов (1786—1846) — скульптор. Ученик И.П. Мартоса. Учился в Академии художеств в 1795—1809 гг. В 1818—1824 гг. пенсионер Академии в Италии, куда поехал вместе с Сильвестром Щедриным и другими выпускниками.

Фраза Аполлона о том, что Крылов «денег маминьке не платит» отражает запутанные денежные дела последнего; назанимав денег у всех товарищей по пенсионерской поездке, он, как можно судить, не торопился их отдавать.

45 Валериан Платонович Лангер (1802, по другим сведениям 1799 — после 1862, по другим сведениям 1870-е гг.) — художник, литограф. Чиновник особых поручений при министерстве народного просвещения. В 1825 г. был в Италии. В 1827 г. сделал рисунок замка Св. Ангела с картины С.Ф. Щедрина, гравированный И.В. Чесским и опубликованный в «Северных цветах».

46 «Тон младший» — Константин Андреевич Тон (1794—1881), архитектор. Ученик А.Н. Воронихина и А.А. Михайлова. Учился в Академии художеств в 1803—1815 гг. В 1819—1828 гг. пенсионер в Италии и Франции. В 1821 г. избран членом Римской академии св. Луки за проекты реставрации античных памятников.

«Ресторацию свою он прислал». Здесь слово «ресторация» использовано в значении «реставрация»; когда-то семантически они были очень близки, восходя к латинскому restaurare (восстановлять).

47 Брюн — Федор Антонович Бруни (1799—1875), исторический живописец, рисовальщик. В 1819—1835 гг. жил и работал в Италии. С 1828 г. пенсионер Кабинета Его Императорского Величества.

Слова А.Ф. Щедрина о полученных в Академии «эскизах» Бруни на сюжеты из русской истории несколько корректируют дату начала работы художника над этим циклом, которой придерживается А.Г. Верещагина (конец 1825 — начало 1826 гг.; см.: *Верещагина А.Г.* Федор Антонович Бруни. Л., 1985. С.44, 224), поскольку письмо Щедрина датируется 25 декабря 1825 г.

48 Христиан (Христофор) Мейер — архитектор. Учился в Академии художеств в 1801—1809 гг. в одно время с Сильвестром Щедриным. В 1822—1825 гг. жил в Италии.

49 Александр Павлович Брюллов (1798—1877) — архитектор, график. Учился в Академии художеств в 1810—1820 гг. В 1822—1830 гг. пенсионер Общества поощрения художников в Германии, Италии и Франции.

50 «Мамка твоя продала часть места» — возможно, имеется в виду какой-то земельный надел, часть землевладения. Мамка — кормилица Сильвестра Щедрина.

Письмо II. **Санкт-Петербург, 13 (25) февраля 1826 года.** ОПИ ГИМ, ф.457, оп.I, д.29, л. 164 а, 164 а об., 164 б. Подлинник.

51 Желая помочь распространению художественных произведений, Общество поощрения художников учредило на общем собрании членов общества 5 мая 1825 г. выставку («публичный зал») и продажу. В октябре 1825 г. была нанята уже квартира «в доме Марса под № 56» в I квартале I Адмиралтейской части, где, как сообщалось в «Журнале изящных искусств, издаваемом Василием Григоровичем» (1825. № 3. С.87), «они будут открыты в самом непродолжительном времени». А.Ф. Щедрин, та-

ким образом свидетельствует, что первая постоянная выставка-продажа Общества в феврале 1826 г. уже действовала.

52 Общество поощрения художников возникло в Петербурге в 1820 г. по инициативе, в основном, меценатов из аристократии и высокопоставленных государственных чиновников. В.И. Григорович называет учредителями общества П.А. Кикина, князя И.А. Гагарина и А.И. Дмитриева-Мамонова. (См.: *В.И. Григорович.* О состоянии художеств в России // Северные цветы на 1827 год. СПб., 1827. С.8). Общество помогало талантливым художникам и способствовало распространению произведений искусства.

53 Княгиня Зинаида Александровна Волконская, урожденная княжна Белосельская-Белозерская (1789—1862) — известная обладательница разнообразных талантов, хозяйка литературного музыкального салона, покровительница искусств.

54 Василий Иванович Демут-Малиновский (1779—1846) — скульптор; зять Сильвестра и Аполлона Щедриных, муж Елизаветы Феодосиевны Щедриной.

55 «Галсберговы» — семья друга дома Щедриных Самойлы Ивановича Гальберга: братья — Иван Иванович, архитектор (1782—1863), Карл Иванович, чиновник Департамента герольдии (1785—1830), сестра — Анна Ивановна (1788—?) и ее муж — Александр Христофорович Востоков, известный филолог (1781—1864).

Письмо III. **Санкт-Петербург, 5 (17) июня 1826 года.** ОПИ ГИМ, ф.457, оп.I, д.29, л.147—148 с об. Подлинник.

56 «Записка Крылова» — расписка в получении им в Риме денег взаймы у Сильвестра Щедрина.

57 Сергей Иванович Тургенев (1792—1827) — младший брат Александра Ивановича и Николая Ивановича Тургеневых, дипломат. С.Ф. Щедрин и С.И. Гальберг были знакомы с ним и встречались в Италии.

58 Князь Григорий Иванович Гагарин (1782—1837), дипломат, советник миссии в Риме (1822—1827), посланник в Риме (1827—1832), писатель. В Риме был в близких отношениях с русскими художниками-пенсионерами Императорской Академии художеств, в том числе с С.Ф. Щедриным.

59 Возможно, барон Рейнгольд-Фридрих фон дер Остен-Сакен (1791—1864).

60 Иностранная комиссия — Иностранная коллегия (Коллегия иностранных дел). Образована в 1718 г. из Посольского приказа. В 1802—1832 гг. выполняла функции министерства иностранных дел.

61 Здесь: дипломатическое представительство, посольство.

62 К.И. Гальберг и А.Х. Востоков (см. примеч. 55).

63 Рабочий (работный) дом — учреждение общественного призрения, не лишенное характера исправительного учреждения, для неимущих, нищих, бродяг, где они могли бы прокормиться собственным трудом.

64 Александр Николаевич Львов (1790—?) — сын Николая Александровича Львова, архитектора, литератора, дипломата; тайный советник, камергер (1831), муж Натальи Николаевны Мордвиновой, дочери графа Николая Семеновича Мордвинова

65 См. примеч. 29.

66 Сведений о Марии Яковлевне Бадьян не имеется.

67 Урожденная Щедрина, в замужестве Демут-Малиновская.

68 А.М. Эфрос полагал, что она родственница Щедриных, жившая в семье Демут-Малиновских и помогавшая воспитывать детей. (См.: *Сильвестр Щедрин. Письма из Италии.* С.297.)

69 Вдовствующая императрица Елизавета Алексеевна, жена Александра I, скончалась 4 мая 1826 г.

70 «Женское патриотическое общество» образовано в 1812 г. в Санкт-Петербурге для помощи вдовам и сиротам. Вначале называлось «Общество патриотических дам», с конца 1812 г. — «Санкт-Петербургское женское патриотическое общество». Общество учредило «Училище сирот», в 1822 г. получившее название «Патриотического института». С 1816 по 1829 гг. в ведении общества находилось женское учебное заведение «Дом трудолюбия». Позже общество вошло в Ведомство учреждений императрицы Марии.

71 Артур Уэсли Веллингтон (1769—1852) — герцог, фельдмаршал, командующий англо-голландской армией при Ватерлоо (1815).

72 Принц Гессен-Гомбургский.

73 Огюст Виес де Мармон (1774—1852) — герцог Рагузский (1808), наполеоновский маршал (1809). После отречения Наполеона служил Бурбонам. На коронацию Николая I прибыл как чрезвычайный посол Карла X.

74 Герцог Девонширский.

75 Александр (Карл) Лаврентьевич Витберг (1787—1855) — архитектор и живописец. Автор проекта памятника в честь победы в Отечественной войне 1812 г. — храма Христа Спасителя на Воробьевых горах в Москве. Проект утвержден в 1816 г., строительство началось в 1817 г. Через несколько лет Витберг был обвинен в злоупотреблениях, осужден и сослан в Вятку (1835). С 1840 г. жил в Петербурге. То, что пишет А.Ф. Щедрин, не лишено интереса, поскольку в 1826 г. он был уже опытным практическим архитектором.

76 Огюст Рикар (Август Августович) де Монферран (1786—1858) — архитектор, француз по происхождению, в России с 1816 г. Автор проекта Исаакиевского собора; первый вариант его утвержден Александром I 20 февраля 1818 г. Храм заложен 26 июля 1819 г. В 1822 г. работы были приостановлены. Возобновились лишь в 1826 г. после того, как 8 апреля 1825 г. переработанный проект получил высочайшее одобрение.

[77] Манифест «Об учреждении Верховного суда для суждения злоумышленников, открывшихся 14 декабря прошлого 1825 года» датирован 1 июня 1826 г. В состав суда, кроме учреждений, названных А.Ф. Щедриным, вошли еще «несколько особ из высших воинских и гражданских чиновников». (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. I. С.514—515.)

[78] Мария Федоровна (Софья Доротея Августа Луиза, принцесса Вюртембергская, 1759—1828) — вдова Павла I, мать Николая I.

[79] Елена Павловна (Фредерика Шарлотта Мария, дочь Карла, принца Вюртембергского, 1806—1873) — жена великого князя Михаила Павловича. Елизавета — будущая жена Адольфа, герцога Нассауского (1826—1845).

[80] Имеется в виду граф Федор Андреевич Толстой (1758—1849), сенатор, член Общества поощрения художников, дядя скульптора Ф.П. Толстого, заказавший С.И. Гальбергу скульптурный портрет дочери Аграфены (в замужестве Закревской).

Письмо IV. **Санкт-Петербург, 31 июля (12 августа) 1826 года.** ОПИ ГИМ, ф.457, оп. I, д.29, л.143—144 с об. Подлинник.

[81] Карл Иванович Гальберг (1783—1830) — брат С.И. Гальберга.

[82] Петр Васильевич Свинцов (? — конец 1840-х гг.) — скульптор.

[83] Александра Федоровна (Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина, дочь короля Пруссии Фридриха Вильгельма III; 1798—1860) — жена Николая I (с 1817 г.).

[84] В ночь на 13 июля 1826 г. на валу кронверка Петропавловской крепости в Петербурге были казнены пятеро декабристов. Манифест «О совершении приговора над государственными преступниками» (№ 465) датирован 13 июля 1826 г. (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. I. С.772—774.)

[85] Ливорно — город и порт на северо-западе Италии, откуда, как правило, отправлялись грузы в Россию.

[86] Людвиг Иванович Штиглиц (1778—1843) — глава банкирского дома «Штиглиц и К°», барон (с 1826 г.), позднее придворный банкир.

[87] Орест Адамович Кипренский (1782—1836) в 1816—1822 гг. находился в Италии. В октябре 1818 г. встречал в Риме русских пенсионеров Академии художеств, позднее содействовал получению ими заказов от великого князя Михаила Павловича, посетившего Рим в начале 1819 г. Тогда Сильвестру Щедрину, в частности, были заказаны два вида Неаполя.

Письмо V. **Санкт-Петербург, 30 октября (11 ноября) 1826 года.** ОПИ ГИМ, ф. 457, от. I, д.29, л. 149—150 с об. Подлинник.

88 Алексей Алексеевич Перовский (1787—1836) — брат В.А. Перовского (см. примеч. 20), писатель (псевдоним Антоний Погорельский), филолог.

89 Алексей Алексеевич Оленин (1798—1854) — воспитанник Пажеского корпуса, гвардейский офицер, с 1827 г. чиновник Азиатского департамента и других ведомств, впоследствии действительный тайный советник. Его слова о том, что «в Париже об наших художниках идет весьма хорошая слава, а в особенности о тебе», едва ли придуманные А.Ф. Щедриным, любопытны, хотя и не подтверждаются другими источниками. Сильвестр Щедрин, однако, на эти слова никак не реагировал, что может свидетельствовать о равнодушии к парижским комплиментам.

90 Петр Андреевич Кикин (1775—1834) — участник Отечественной войны 1812 г., статс-секретарь, сенатор, просвещенный меценат, один из основателей Общества поощрения художников.

91 Николай Петрович Румянцев (1754—1826), граф, дипломат, канцлер, министр иностранных дел (1807—1814), председатель Государственного совета (1810—1812). Коллекции Румянцева составили основу так называемого Румянцевского музея. Упомянутый в письме В.К. Сазонов (1789—1870) — крепостной графа, который поместил его в Академию художеств (1804), позднее «в уважение к талантам» отпустил на волю, а в 1818 г. за свой счет отправил за границу. В 1824 г. Сазонов вернулся в Россию.

92 Коронация Николая I состоялась в Москве 22 августа 1826 г.

93 Князь Николай Борисович Юсупов (1750—1831) — екатерининский вельможа, дипломат, член Государственного совета, сенатор, меценат, коллекционер.

94 Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская (1735/1737—1807) — дочь графа Алексея Григорьевича Орлова, камер-фрейлина. В августе 1826 г., перед коронацией, Николай I с семьей поселился на даче графини в Нескучном.

95 Великий князь Михаил Павлович (1798—1849) — младший брат императоров Александра I и Николая I.

96 В 1825 г. Николай I командовал, в частности, 2-й гвардейской дивизией, в которую входили лейб-гвардейские Измайловский, Павловский, Егерский и Финляндский полки и Саперный батальон. Имел звание бригадного генерала.

97 «Император въехал в Петербург» 6 октября 1826 г. Накануне он остановился в Царском Селе.

98 Наследнику Александру Николаевичу было в тот момент 8 лет.

99 Митрополит московский Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1783—1867) — церковный, общественный деятель, духовный писатель. В Москве с 1821 г. Содействовал своим словом успокоению народа

после событий 14 декабря 1825 г. По его инициативе был издан русский перевод Библии (1858). Филарет составлял манифест 19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян. Речь Филарета на коронационной церемонии Николая I опубликована в 1826 г. (См.: Речь Е.И.В. Государю Императору Николаю Павловичу Самодержцу всероссийскому, пред высочайшим вступлением в Успенский собор для священного коронования и миропомазания, говоренная Святейшего Правительствующего Синода членом, Филаретом, Архиепископом Московским, августа 22 дня 1826 года // Чин действия, каким образом совершалось священнейшее коронование Е.И.В. Государя Императора Николая Павловича Самодержца Всероссийского по церковному чиноположению. М.: Синодальная типография, 1826. Паг.2-я. С.3—4). Сравнение текста речи митрополита Филарета в редакции А.Ф. Щедрина с текстом, опубликованным в 1826 г., обнаруживает разночтения, главные из которых отмечены в подстрочных примечаниях.

[100] 3 Цар 2, 5—9.

[101] Логгин Иванович Голенищев-Кутузов (1769—1845) — флотский офицер, писатель, переводчик, председатель Ученого комитета Морского министерства (с 1827 г.).

[102] В письме от 26/14 сентября 1826 г. Сильвестр Щедрин просил Аполлона, по просьбе какого-то итальянца, узнать находится ли в Петербурге некий Феличе Арриги Романо, заехавший туда еще в 1821 г.

Возможно, это тот самый итальянец, которого упоминает В.Ф. Левинсон-Лессинг в «Истории картинной галереи Эрмитажа (1764—1917)»: «Дальнейшие пополнения итальянской части собрания дали приобретения у итальянца кавалера д'Арриги в 1823 году...» (Л., 1985. С.144).

Письмо VI. **Санкт-Петербург, 23 апреля (5 мая) 1827 года.** ОПИ ГИМ, ф.457, оп. I, д.29, л.155—155 об. Подлинник.

[103] Тайный советник Мятлев — скорее всего Петр Васильевич Мятлев (1756—1833).

[104] В письме от 2 января 1827 г. Сильвестр Щедрин просил мать прислать ему нательный крест, поскольку прежний, данный ему в дорогу, за восемь лет сносился.

[105] Речь идет о времени для выполнения заказа.

[106] У Алексея Николаевича Оленина были две дочери: старшая Варвара Алексеевна (1802—1877) и младшая — Анна Алексеевна (1808—1888), к которой обращены пушкинские строки «Я вас любил, любовь еще быть может...». Трудно сказать, кого в данном случае имеет в виду А.Ф. Щедрин. Скорее все же Варвару Алексеевну, поскольку через полгода, в письме от 27 декабря 1827 г. (8 января 1828 г.), он просит Сильвестра прислать уже что-либо в альбом «сестре Варвары Алексеевны».

107 Александр Петрович Сапожников (1788—1827), скончавшийся 24 марта, купец I гильдии, кавалер.

108 Максим Никифорович Воробьев (1787—1855) — живописец, пейзажист. Жил в Петербурге. В 1813—1814 гг. художник при главной квартире русской армии в Германии и Франции. В 1828 г., во время русско-турецкой войны, художник штаба русских войск. С 1815 г. преподавал в Академии художеств. С 1824 г. руководитель пейзажного класса Академии.

109 То есть длина 98 см, ширина 60 см.

110 Иван Иванович, видимо, тот самый управляющий домом «тайного советника Мятлева», о котором А.Ф. Щедрин писал в начале этого письма.

111 Григорий Васильевич Плуталов, крестный С.Ф. Щедрина (см. примеч. 39), умер 4 марта 1827 г.

Письмо VII. **Санкт-Петербург, 12 (24) ноября 1827 года.** ОПИ ГИМ, ф. 457, оп. I, д.29, л. 153, 153 об., 154. Подлинник.

112 А.Ф. Щедрин ошибается. Это письмо было послано не в июне, а 23 апреля (5 мая). См. письмо VI.

113 Иоганн Боненблюст (Боненблуст) (1785—1859) — ревельский купец первой гильдии, владелец, в частности, конторы почтовых перевозок.

114 Короткий — прозвище одного из братьев Антонелли, Дмитрия или Франца, художников, обучавшихся в Петербургской Академии художеств в одно время с Сильвестром Щедриным. В письме от 5 марта 1819 г., в Петербург, Щедрин передавал привет «Антонелию Короткому». Скорее все-таки это прозвище Дмитрия, поскольку в письме к родителям от 17 декабря 1822 г. Щедрин, обращаясь к брату, пишет: «Поклонись от меня Д.И. Антонелли, я радуюсь сердечно, что он получил звание академика, проси его от меня, чтоб он вспомнил обо мне и написал бы несколько строк, чем мне доставит великое удовольствие». Никаких поклонов Францу Антонелли в письмах Сильвестра Щедрина нет.

115 Николай Семенович Мордвинов (1754—1845) — выдающийся русский государственный деятель эпохи Александра I, адмирал, член Государственного совета, граф (с 1834 г.), председатель Вольного экономического общества (1823—1840 гг.).

116 «Итальянский пейзаж г. Щедрина не велик по размеру, но велик по достоинству. Группа людей под естественным гранитным сводом, сквозь который видно море и теряющийся вдали берег, ясное небо, — все это представлено отлично хорошо». (Z. Петербургские записки. Посещение Императорской Академии художеств (продолжение) // Северная пчела. 1827. 20 сентября. № 113. С.4).

117 Николай Иванович Уткин (1780—1863) — известный русский гравер. Учился в Петербургской Академии художеств в 1785—1800 гг. В 1803—1814 гг. — пенсионер Академии в Париже (интернированный во время

Отечественной войны 1812 г. и европейской кампании). В 1814 г. академик. С 1817 г. руководитель граверного класса Академии и хранитель эстампов Императорского Эрмитажа. С 1818 г. советник Академии художеств. С 1819 г. гравер Его Величества. Член европейских академий: Стокгольмской (1820), Антверпенской (1827), Дрезденской (1828). Хороший знакомый семейства Щедриных.

118 Джорж Дау (1781—1829) — английский портретист и исторический живописец. Приглашен в Петербург в 1819 г. Александром I. Исполнил свыше 400 портретов русских генералов, участвовавших в войне с Наполеоном; эти портреты составили галерею 1812 г. в Зимнем дворце.

119 Золотыми медалями первого достоинства в 1827 г. Академия художеств отметила Александра Нотбека (историческая живопись), Федора Солнцева (портрет), Федора Иордана (гравюра на меди). Среди отмеченных медалями второго достоинства нет ни одного мало-мальски известного впоследствии художника.

Значительно интереснее выглядит список учеников, отмеченных Обществом поощрения художников. Золотой медалью первого достоинства была поощрена картина Александра Иванова «Иосиф, толкующий сны»; золотые медали второго достоинства получили братья Чернецовы, Никанор и Григорий, Никифор Крылов и Алексей Тыранов.

120 Карл Иванович Рабус (1800 —1857) — живописец, пейзажист. Ученик М.М. Иванова. Избран в академики за два крымских пейзажа, написанных с натуры: «Вид Гурзуфа» и «Вид Балаклавы» (оба — 1827).

121 А.Ф. Щедрин имеет в виду русско-иранскую войну 1826—1828 гг.

122 Речь идет о Наваринском сражении 8 (20) октября 1827 г., когда русские, английские и французские корабли разбили в Наваринской бухте (Южная Греция) турок и египтян, что приблизило победу национально-освободительного движения в Греции.

123 Варвара Алексеевна Оленина (1802—1877) — дочь президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина; Григорий Никанорович Оленин (1797—1843) — ее муж, в 1827 г. отставной капитан.

124 13 сентября 1827 г. Совет Академии художеств рассматривал прошение Петра Свинцова о том, чтобы все скульптурные работы могли исполняться только теми художниками, которые учились скульптурному делу в Академии художеств. Скорее всего эти «просьбы» и имеет в виду А.Ф. Щедрин. Прошение оставлено «без последствий». (См.: *П.Н.Петров. Сборник материалов.* Ч.II. С.228—233.)

125 «В Ямскую в университет». — В 1820—1830-е гг. в Ямской слободе Петербурга, на улице Большой Офицерской (позднее Кабинетская, потом ул. Правды) находились учебные корпуса Санкт-Петербургского университета.

126 Патриотический институт — воспитательное учебное заведение Женского патриотического общества, преобразованное в 1822 г. из Училища сирот (Петербург).

127 Дом трудолюбия — женское учебное заведение, в котором на полном содержании жили и обучались «бедные бесприютные девицы и пенсионерки». Существовали «дома» в Петербурге, Москве и Симбирске. В 1847 г. переименованы в елизаветинские училища.

Письмо VIII. **Санкт-Петербург, 27 декабря 1827 года (8 января 1828 года).** ОПИ ГИМ, ф.457, оп. I, д.29, л.151,151 об., 152. Подлинник.

128 В письме из Сорренто от 13 (1) ноября 1827 г. Сильвестр Щедрин писал Аполлону: «Кровь во мне кипит; так и хочется браниться за твою неслыханную леность». К тому времени он отослал брату 13 писем, брат ему — только 7. Досада Сильвестра понятна. Младший оправдывался тем, что очень загружен работой. Он и в самом деле был сильно занят.

129 О Шатилове см. в письме IX.

130 «Недавно хотели тебя пригласить ехать в Крым...». Любопытная фраза, которая косвенно свидетельствует о смене приоритетов в пейзажных мотивах: вместо римских пейзажей распространяется интерес к видам Крыма (Айвазовский, Рабус, Никанор Чернецов и др.).

131 С.Ф. Щедрин подарил М.Я. Нарышкиной рисунок для ее альбома, о чем написал Аполлону 13 ноября 1827 г.

132 Сестра Варвары Алексеевны — Аннет (Анна) Оленина (см. примеч. 106).

133 Размеры альбома в см: 18 х 22,5.

134 Петр Алексеевич Оленин (1794—1868) — сын президента Академии художеств А.Н. Оленина, участник Отечественной войны 1812 г., гвардейский офицер.

135 См. примеч. 34.

136 Иван Александрович Воинов (1796—1861) — живописец, учился в Академии художеств в одно время с С.Ф. Щедриным (1800—1811). С 1817 г. преподавал в Академии.

137 Николай Андреевич Токарев (1787—1866) — скульптор, приятель Сильвестра Щедрина в петербургский период жизни. Служил в Академии художеств то учителем рисования, то смотрителем форм с древних статуй, то смотрителем тех или иных классов.

Письмо IX. **Санкт-Петербург, 2 (14) мая 1828 года.** ОПИ ГИМ, ф.457, оп. I, д.29, л.156, 156 об., 157. Подлинник.

138 Покойный дядюшка — Семен Федорович Щедрин (1745—1804) — живописец, пейзажист, руководитель пейзажного класса Петербургской Академии художеств (1776—1804), адъюнкт-ректор (1798—1804), руководитель гравировального ландшафтного класса (1799—1804), первый учитель Сильвестра Щедрина.

[139] Марзияс (Марсий) — в греческой мифологии сатир, искусный флейтист, вызвавший на состязание в игре на музыкальных инструментах Аполлона, побежденный и наказанный им. (Аполлон ободрал с дерзнувшего кожу.) Скульптура Марсия создана Феодосом Щедриным в Париже в 1776 г. В настоящее время хранится в Научно-исследовательском музее Академии художеств (С.-Петербург). Эндимион — в греческой мифологии прекрасный юноша, погруженный в вечный сон. Скульптура датируется 1779 г. Бронзовый отлив хранится в Государственном Русском музее (С.-Петербург).

[140] О портрете Семена Федоровича Щедрина работы О.А. Кипренского и о копии с этого портрета сведений нет.

[141] Автопортрет Сильвестра Щедрина, написанный в 1817 г., до отъезда художника в Италию, находится в экспозиции Государственной Третьяковской галереи (Москва).

[142] Карл Фердинанд Тредер (1792—1828), доктор медицины, выпускник Дерптского университета (1815), врач Петербургской Академии художеств.

[143] Местонахождение картины Сильвестра Щедрина «Пароход», которую упоминает А.Ф. Щедрин, неизвестно. Картина «Часть Петровского острова» («Вид на Петровский остров в Петербурге», 1817) хранится в Государственном Русском музее.

[144] Шурин А.Н. Львова — Александр Николаевич Мордвинов (1799—1858), сын Николая Семеновича Мордвинова (см. примеч. 115).

[145] А.А. Оленина получила рисунок Сильвестра через сестру Варвару, возвратившуюся в Петербург из Италии. «На сем рисунке, — писал художник 6 мая 1828 г. брату Аполлону, — означено ночное извержение, я не мог ничего сделать более значительного, ибо мера албаума очень мала».

[146] Проект оформления нынешней площади Островского (ранее Александринская) К.И. Росси, высочайше одобренный в апреле 1828 г., предусматривал расширение Публичной библиотеки пристройкой корпуса, ориентированного фасадом на площадь, сооружение Александринского театра, двух больших зданий в проезде от театра к Чернышеву мосту через реку Фонтанку и застройку Чернышевой площади. Письмо А.Ф. Щедрина датировано 2 мая 1828 г., то есть, очевидно, одновременно с одобрением проекта было решено поручить его осуществление А.Ф. Щедрину («Государю угодно было поручить строить мне»). Так что дважды повторенная в письмах Аполлона поговорка «за Богом молитва, а за Царем служба не пропадают», кажется, подтвердилась.

[147] С.И. Гальберг и Б.И. Орловский были вызваны в Петербург президентом Академии художеств А.Н. Олениным для участия в конкурсе проектов памятников М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю де Толли для площади Казанского собора.

[148] В апреле 1828 г. Россия объявила войну Османской империи.

[149] Светлейший князь Карл Андреевич Ливен (1767—1844), участник шведской войны 1788—1790 гг., генерал-губернатор Архангельска при Пав-

ле I, куратор Дерптского учебного округа с 1817 г., министр народного просвещения в 1828—1833 гг.

[150] Скульптор Иван Прокофьевич Прокофьев (1758—1828) умер 10 (22) февраля.

[151] Возможно «на лицо же 5» потому, что Машенька, вторая дочь Демутов, была смолянка (воспитанница Смольного института благородных девиц), а «ученик» Павел (см. письмо IV) тоже находился не дома.

[152] Илья Модестович Бакунин (1800—1841) — офицер, поэт, переводчик.

Письмо X. **Санкт-Петербург, 1 (13) июня 1828 года.** ОПИ ГИМ, ф.457, оп. I, д.29, л.158, 158 об., 159. Подлинник.

[153] Щедринская транскрипция названия небольшого итальянского города Поццуоли (Pozzuoli), расположенного в районе Флегрейских полей, к западу от Неаполя, на берегу Неаполитанского залива.

[154] Лев Алексеевич Перовский (1792—1856) — брат В.А. Перовского (см. примеч. 20), участник Отечественной войны 1812 г., камергер, действительный статский советник, в 1828—1840 гг. вице-президент Департамента уделов. Член Общества поощрения художников.

[155] Яков Федосеевич Яненко (1800—1852) — художник, портретист. В 1827—1828 гг. жил в Италии, встретился там с С.Ф. Щедриным.

[156] Граф Федор Петрович Толстой (1783—1873) — художник, скульптор, живописец, гравер, медальер. Закончил Полоцкий иезуитский коллегиум, Морской кадетский корпус и Академию художеств в Петербурге. С 1809 г. медальер Монетного департамента. С 1825 г. преподаватель медальерного класса, с 1828 г. вице-президент Академии художеств (до 1859 г.). В 1859—1873 гг. товарищ президента.

[157] «Собачья пещера» — пещера на берегу Лаго д'Аньяно, в районе Флегрейских полей, близ Поццуоли, к западу от Неаполя. Названа «собачьей» потому, что в состав воздуха пещеры входят выделяющиеся в ней газы, которые делают его непригодным для жизнедеятельности животных формата собаки, поскольку образующаяся смесь газов стелется по низу пещеры. Сильвестр Щедрин, кстати, писал домой о посещении «собачьей пещеры». Странно, что Аполлон не помнил этого: забыл? Или не читал? «Я ездил в первый раз на Лаго Даньяно, столь известное своим местоположением и собачьей пещерой, которая на берегу оного находится» и т.д. — читаем в письме С.Ф. Щедрина в Петербург от 1 января 1820 г.

Письмо XI. **Санкт-Петербург, 24 октября (5 ноября) 1828 года.** ОПИ ГИМ, ф.457, оп.I, д. 29, л. 160—160 об. Подлинник.

[158] См. примеч. 146.

[159] В.А. Перовский был тяжело ранен в грудь во время штурма Варны.

[160] Степан Семенович Щукин (1758—1828), портретист, умер 10 (22) октября.

[161] Граф Ф.П. Толстой стал вице-президентом Академии художеств указом Правительствующего Сената № 1580 от 28 ноября 1828 г. Высочайший указ, очевидно, был известен ранее, что позволило А.Ф. Щедрину сообщить об этом брату в письме, датированном 24 октября.

[162] Александр Иванович Ермолаев (1780—1828), конференц-секретарь Академии художеств (1816—1828), умер 10 (22) июля.

***Письмо XII.* Санкт-Петербург, 8 (20) декабря 1828 года.** ОПИ ГИМ, ф.457, оп. I, д.29, л.161—161 об. Подлинник.

[163] Письмо адресовано: Скуделлари, виа Кондотти, 19, Рим. Скуделлари — владелец магазина художественных принадлежностей, услугами которого пользовались русские художники, жившие в Риме.

***Письмо XIII.* Санкт-Петербург, 29 июня (11 июля) 1829 года.** ОПИ ГИМ, ф 457, оп. I, д.29, л.163, 163 об., 164. Подлинник.

[164] Екатерина Ивановна Щедрина, урожденная Лебедникова (1805—1881). «Кусовское стадо» — так А.Ф. Щедрин называет торговую династию, начало которой относится к петровской эпохе, получает энергичное развитие в деятельности основателя торговой фирмы Василия Григорьевича Кусова (1729—1788). Иван Васильевич Кусов (1750—1819) — единственный наследник миллионов В.Г. Кусова, глава огромного торгового дома, один из учредителей Российско-Американской компании, и есть «покойный Кусов», дед Е.И. Щедриной.

[165] С 1764 г. Академия художеств находилась в непосредственном подчинении императрице (императору); в 1811—1829 гг. — в ведении Министерства народного просвещения; в 1829—1917 гг. — в ведении Министерства императорского двора. Именной указ «О бытии Академии художеств под главным начальством министра Императорского двора» подписан императором 9 (21) февраля 1829 г.: «Императорской Академии художеств, которая по дарованной ей в 1764 году (ноября 4) привилегии должна состоять под особым нашим покровительством, повелеваем отныне впредь быть под главным начальством министра Императорского двора» («Распубликован Сенатом» 18 февраля (2 марта) 1829 г.). — Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. IV. 1829. От № 2575 до 3398. СПб., 1830. С.107. (№ 2668).

[166] Петр Михайлович Волконский (1776—1852) — светлейший князь, генерал-фельдмаршал, в 1826—1852 гг. министр императорского двора.

[167] Константин Андреевич Тон (1794—1881) — архитектор, строитель храма Христа Спасителя в Москве (1837—1881). Учился в Академии худо-

жеств (1803—1815). В 1819—1828 гг. жил в Италии, Швейцарии, Франции. В 1829—1837 гг. по проекту Тона были перестроены и отделаны парадные интерьеры главного здания Академии художеств. Одновременно по проекту Тона сооружена гранитная пристань для судов напротив здания Академии, украшенная сфинксами.

168 А.А. Михайлов — один из братьев Михайловых: старший Александр Алексеевич (Михайлов 1-й) или Андрей Алексеевич (Михайлов 2-й), которые оба были архитекторами, близкими к Академии художеств, оба служили там, оба были профессорами. Неприятности К.А. Тона, о которых упоминает А.Ф. Щедрин, связаны, скорее всего, с его учителем Михайловым 2-м, Андреем Алексеевичем, по проектам которого в конце 1810-х годов были выполнены значительные работы в здании Академии и на прилегающей к ней территории. Михайлов 2-й не только старший профессор, в отличие от просто профессора Михайлова 1-го, но и гораздо более крупная творческая фигура среди архитекторов Петербурга первой трети XIX в., судя по его проектам и постройкам.

169 В это время Б.И. Орловский уже работал над проектами памятников М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю де Толли для площади у Казанского собора.

170 Графиня Юлия Павловна Самойлова, урожденная Пален (1803—1875), блестящая светская дама, обладательница огромного состояния, излюбленная модель Карла Брюллова, покровительница художников, артистов, музыкантов. Сорок лет прожила в Италии, Франции. Умерла в Неаполе.

171 Светлейшая княгиня Софья Григорьевна Волконская, урожденная княжна Волконская (1786—1869) — жена П.М. Волконского, министра двора, сестра С.Г. Волконского, декабриста. Принимала участие в делах Сильвестра Щедрина, о чем он писал домой 7 сентября 1830 г.

172 Великая княгиня Елена Павловна (см. примеч. 79) весной 1829 г. посетила Неаполь, где, в частности, заказала С.Ф. Щедрину пять картин, о чем он сообщил брату Аполлону в письме от 24—28 марта 1829 г.

173 «Колизей» («Колизей в Риме») — картина С.Ф. Щедрина. Написана в 1821—1822 гг. в Риме. Э.Н. Ацаркина считала, что художник «преподнес ее Александру I, по желанию которого она поступила в Эрмитаж» (*Ацаркина Э.Н.* Сильвестр Щедрин. С.55). Анонимный автор в очерке «Щедрин» 1841 г. сообщает, что вид «был представлен Государю императору» (Вестник искусств и вспомогательных знаний. Т. I, тетрадь 10-я. СПб., [1841]. С.5). С 1825 г. — в Галерее русской живописи Императорского Эрмитажа. С 1897 — в Музее императора Александра III (нынешний Государственный Русский музей). «Пандан Колисею» так и не был написан.

174 «Желчь разлилась по всему телу, и я желт как лимон», — писал Сильвестр Щедрин брату 23 мая 1829 г.

175 Здания Сената и Синода по проекту К.И. Росси строились в 1829—1834 гг. Закладка здания Сената состоялась 24 августа.

[176] Реконструкция здания «Двенадцати коллегий» для нужд университета осуществлена по проекту А.Ф. Щедрина в середине 1830-х гг.

Письмо XIV. **Санкт-Петербург, 1 (13) июля 1830 года.** ОПИ ГИМ, ф.457, оп. I, д.29, л.165, 165 об, 166. Подлинник.

[177] Возможно, эти известия А.Ф. Щедрин получил от княгини С.Г. Волконской (см. примеч. 171), которая, по крайней мере весною 1830 г., была в Неаполе и видела Сильвестра, а 1 июля, которым датируется письмо Аполлона, была уже в Петербурге. «Софья Григорьевна Волконская теперь здесь», — пишет Аполлон в этом же письме ниже. Не исключено, что именно известие, полученное Аполлоном 30 июня, заставило его поторопиться с ответом.

[178] День рождения императрицы Александры Федоровны (см. примеч. 83) 1 (13) июля.

[179] Единственное письмо, адресованное Екатерине Ивановне Щедриной, было написано Сильвестром 18 (6) февраля 1830 г. в Риме.

Письмо XV. **Санкт-Петербург, 30 сентября (12 октября) 1830 года.** ОР ГТГ, ф.58, д.10, л.1, 1 об., 2. Подлинник.

[180] Список художественных произведений, представленных на осенней академической выставке 1830 г. (см.: Русский инвалид. 1830, ноябрь—декабрь. № 282, 284, 300, 308, 309, 328—330).

[181] «Взрыв города Варны» (1828 ?, Тюменская областная картинная галерея), вторая картина, возможно, «Буря на Черном море».

[182] Алексей Егорович Егоров (1776—1851) — живописец, рисовальщик, гравер.

[183] Картина графа Ф.П. Толстого, о которой пишет А.Ф. Щедрин, известна как «Семейный портрет» (1830, Государственный Русский музей — далее ГРМ).

[184] Брюллов (до 1822 г. — Брюлло) Карл Павлович (1799—1852) написал портрет музыканта и композитора графа М.Ю. Виельгорского в 1828 г. (Государственный художественный музей Беларуси, Минск).

[185] Александр Григорьевич Варнек (1782—1843) — живописец, портретист.

[186] До 1830 г. Петр Васильевич Басин (1793—1877) исполнил копии с ватиканских фресок Рафаэля «Изведение апостола Петра из темницы» (1827) и «Больсенская месса» (1828, обе — Музей Российской Академии художеств, Санкт-Петербург), К.П.Брюллов — копию «Афинской школы» Рафаэля (1823—1827, там же).

[187] Андрей Петрович Сапожников (1795—1855) — художник-любитель, портретист, почетный вольный общник Академии художеств, казначей Общества поощрения художников.

[188] Андрей Екимович Сухих — художник, исторический живописец, портретист, закончил Петербургскую Академию художеств в 1821 г. Избран в назначенные в 1827 г.

[189] Алексей Гаврилович Венецианов (1780—1847) — выдающийся русский художник, живописец, гравер, теоретик искусства, автор оригинальной методики обучения живописи. В 1824 г. основал «Школу живописи Венецианова», учеников которой упоминает А.Ф. Щедрин.

[190] Речь идет о жанре, который получил название «в комнатах».

[191] Иван Алексеевич Иванов (1779—1848) — рисовальщик, акварелист и гравер. Возможно, в письме речь идет об акварели Иванова «Вид внутренности великолепных сеней и парадной лестницы в Академии художеств», за которую он в 1830 г. был избран в академики.

[192] Алексей Тарасович Марков (1802—1878) и Александр Васильевич Нотбек (1802—1866) — два исторических живописца, в одно время учившихся и закончивших Академию художеств. «Картины, изображающие Сократа в темнице», появились в результате исполнения программы, заданной этим двум художникам Советом Академии 4 мая 1829 г. «Сократ пред смертию своею беседующий с учениками о бессмертии души». (См.: *П.Н.Петров. Сборник материалов*. Ч. II. С.236).

[193] Статуя Александра I для памятника в Таганроге, открытого в 1831 г., и статуя Потемкина для памятника в Херсоне, открытого в 1835 г.

[194] «Мальчик, пускающий мыльные пузыри», 1826, бронза, ГРМ; Портрет графа Алексея Алексеевича Перовского, 1829, мрамор, ГРМ; Портрет Ивана Андреевича Крылова, 1830, металл, ГРМ; Портрет русского посланника в Риме Андрея Яковлевича Италинского (1743—1827), 1822, бронза, ГРМ (то же, мрамор, 1823, ГРМ).

[195] Бронзовые отливы моделей неосуществленных проектов памятников М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю де Толли, исполненных Б.И. Орловским в 1829—1830 гг., хранятся в ГРМ. «Колоссальный бюст императора Александра» создан Орловским в Риме в 1827 г. (ГРМ).

[196] Степан Степанович Пименов (1784—1833) — скульптор, уволенный из Академии художеств в 1830 г. по распоряжению Николая I, бюст которого он представил на академическую выставку, о которой пишет А.Ф. Щедрин.

[197] Федор Павлович Брюллов (Брюлло) — старший (1795, по другим данным 1793—1869) брат Карла и Александра Брюлловых, наименее удачливый в художественных достижениях.

[198] Лизинька — Елизавета Васильевна Гальберг, урожденная Демут-Малиновская (1812—1840), племянница Сильвестра и Аполлона Щедриных, жена С.И. Гальберга.

[199] Сильвестр Щедрин не прочитал это письмо брата, поскольку 8 ноября (27 октября) 1830 г. он умер в Сорренто.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Аполлон Щедрин
Письма в Италию к брату Сильвестру
1825—1830

Составитель, автор редакции текстов,
вступительной статьи и комментария М.Ю. Евсевьев

Над книгой работали:
Г.И.Чередниченко,
Е.А.Соловьева (худ. оформление),
Т.Е.Сохор (оригинал-макет)

Лицензия ЛП № 000295 от 05.11.99

Подписано в печать с оригинала-макета 27.12.99. Ф-т 60 х 84/16.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 4,42. Уч.-изд.л. 4,4.
Тираж 500 экз. Заказ № 1232.

Издательство «Бельведер».
198904, С.-Петербург, Петродворец, Ботаническая ул., 64/4.

Отдел оперативной полиграфии НИИХ СПбГУ.
198904, С.-Петербург, Петродворец, Университетский пр., 2.